

Как стать леди

Автор:

Фрэнсис Элиза Ходжсон Бёрнетт

Как стать леди

Фрэнсис Элиза Ходжсон Бёрнетт

Впервые на русском – одна из главных книг классика британской литературы Фрэнсис Бернетт, написавшей признанный шедевр «Таинственный сад», экранизированный восемь раз. Главное богатство Эмили Фокс-Ситон, героини «Как стать леди», – ее золотой характер. Ей слегка за тридцать, она из знатной семьи, хорошо образована, но очень бедна. Девушка живет в Лондоне конца XIX века одна, без всякой поддержки, скромно, но с достоинством. Она умело справляется с обстоятельствами и получает больше, чем могла мечтать. Полный английского изящества и очарования роман впервые увидел свет в 1901 году и был разбит на две части: «Появление маркизы» и «Манеры леди Уолдерхерст». В этой книге, продолжающей традиции «Джейн Эйр» и «Мисс Петтигрю», с особой силой проявился талант Бернетт писать оптимистичные и проникновенные истории.

Фрэнсис Бернетт

Как стать леди

EMILY FOX-SETON

BEING “THE MAKING OF A MARCHIONESS” AND “THE METHODS OF LADY WALDERHURST”

BY Frances Eliza Hodgson Burnett

© Наталия Рудницкая, перевод на русский язык, 2020

© Livebook Publishing Ltd, 2020

Часть I

Появление маркизы

Глава 1

Выходя из городского омнибуса, мисс Фокс-Ситон с присущими ей аккуратностью и изяществом приподняла ладно скроенную юбку, поскольку давно уже выработала манеру садиться в омнибус и выходить из него, не запятив подола лондонской грязью. Женщина, чьему наряду предназначено служить два или три года, быстро овладевает искусством сохранять юбки в чистоте, а также освежать их по мере надобности. Этим утром на улицах было сыро, однако Эмили Фокс-Ситон была чрезвычайно внимательна, и теперь возвращалась к себе на Мортимер-стрит столь же незапятнанной, как и когда покидала дом. Она много размышляла о своих нарядах – особенно об этом платье, верой и правдой служившем ей уже целых двенадцать месяцев. Юбки, конечно, претерпели некоторые не совсем приятные изменения, и каждый раз, проходя по Риджент-стрит и Бонд-стрит, она останавливалась перед витринами лавок, над которыми было написано «Пошив дамских нарядов и амазонок», и разглядывала нарядно одетые манекены с неестественно тонкими талиями. В открытом чистом взоре ее больших карих глаз можно было заметить некоторое беспокойство. Она пыталась понять, где следует располагаться швам и оборкам, и носят ли вообще в этом сезоне оборки, и возможно ли так расположить модные швы и складки, чтобы решить сложную проблему – без особых затрат переделать прошлогоднюю юбку, или юбка воспротивится новшествам. «Как хорошо, что юбка обыкновенного коричневого цвета, – пробормотала она про себя, – тогда можно докупить примерно ярд похожей ткани, вставить клин сзади, где фалды, и ничего видно не будет».

Придя к такому замечательному заключению, она просияла. Она была настолько простым и здравомыслящим созданием, что для того, чтобы жизнь снова заиграла всеми красками, а на лице ее появилась милая детская улыбка, ей достаточно было совсем малого. Выказанное расположение, маленькое удовольствие, некоторое удобство – и лицо ее светилось от радости. Так что, выбираясь из омнибуса и подбирая пресловутую коричневую юбку, чтобы преодолеть топи Мортимер-стрит, она уже пребывала в отличном настроении. Не только ее улыбка сохранила детскость – лицо тоже казалось слишком юным для особы ее возраста и комплекции. Ей было уже тридцать четыре года, и фигура у нее была вполне зрелой – прямые широкие плечи, стройная талия, крепкие бедра. Она была крупной, но статной, и, решив с помощью собственной энергичности и распорядительности сложную проблему регулярной смены платьев, которых у нее появлялось всего по одному в год, она носила эти платья так изящно, а перешивала прошлогодние наряды так умело, что всегда выглядела довольно модно. Лицо у нее было круглое, щеки свежие, глаза красивые, большие и ясные, густые светло-каштановые волосы и небольшой прямой носик. Она обращала на себя взоры, и своим неподдельным интересом к людям, умением радоваться малому, ясным взглядом больших глаз скорее походила на миловидную девочку-переростка, чем на взрослую женщину, чья жизнь состояла из непрестанной борьбы с очень непростыми обстоятельствами.

Происхождения она была благородного и получила хорошее образование, в чем бы ни состояло образование для женщин ее сословия. Родственников у нее было мало, и ни у одного из них не нашлось желания взвалить на себя заботу об оставшейся без средств девушке. Все они являлись людьми достойными, но заботились главным образом о том, чтобы отправить сыновей в армию или во флот, а дочерей выдать замуж. Когда матушка Эмили скончалась, а вместе с нею кончилась и скромная ежегодная рента, никто из них не пожелал взять к себе костлявого долговязого подростка, о чем ей со всей откровенностью и сообщили. В восемнадцать лет она начала работать помощницей учительницы в маленькой школе, спустя год заняла место няни-гувернантки, затем служила чтицей и компаньонкой у некоей неприветливой пожилой особы в Нортумберленде. Пожилая дама жила в деревне, и родственники в ожидании ее кончины кружили над нею, словно стервятники. Жизнь в доме была настолько мрачной и суровой, что девушка менее здравомыслящая, чем Эмили, легко впала бы в болезненную меланхолию. Эмили Фокс-Ситон переносила все тяготы с неизменно светлым расположением духа, чем в конце концов пробудила в душе своей хозяйки огонек человечности. Когда старая дама умерла и Эмили пришлось выйти в большой мир, оказалось, что ей в наследство досталось несколько сотен фунтов и письмо, содержащее практический, хотя и резковато

высказанный совет.

«Возвращайтесь в Лондон, – писала миссис Мэйтем своей скрюченной подагрой рукой. – Вы недостаточно умны, чтобы зарабатывать себе на жизнь чем-то примечательным, но у вас добрая натура, и вы можете стать полезной всяческим беспомощным созданиям, они станут платить вам, чтобы вы присматривали за ними и их делами, которыми они не могут управлять сами в силу лени или глупости. Вы также могли бы устроиться на работу в какой-нибудь из этих модных листков и отвечать на нелепые письма о ведении домашнего хозяйства, или об обоях, или о веснушках. Вы понимаете, что я имею в виду. Вы могли бы писать письма, или вести счета, или ходить по магазинам для какой-нибудь лентяйки. Вы практичны, честны, и у вас хорошие манеры. Я часто думала, что вы обладаете тем набором ничем не примечательных качеств, которые могут сослужить службу многим ничем не примечательным людям. На Мортимер-стрит проживает моя старая служанка, которая, вероятно, сможет предоставить вам недорогое приличное жилье и ради меня вести себя с вами пристойно. У нее есть причины относиться ко мне с любовью. Скажите ей, что это я прислала вас, и что она должна брать с вас десять шиллингов в неделю».

Эмили прослезилась и с той поры возвела старую миссис Мэйтем на пьедестал в своей душе как праведную покровительницу, хотя после того, как она положила в банк свое наследство, выяснилось, что оно приносит в год всего двадцать фунтов.

– Какая она добрая! – говаривала Эмили в порыве благодарности. – Я и представить себе не могла такой необыкновенной щедрости. У меня не было никаких прав на подобную доброту, никаких!

Такова была ее манера выражать самые искренние чувства – выделяя голосом значимые слова, полные радости и признательности.

Она вернулась в Лондон и представилась бывшей служанке. У миссис Купп действительно имелись резоны вспоминать свою хозяйку с благодарностью. В далекие времена, когда молодость и неосмотрительность довели ее до беды, миссис Мэйтем спасла ее от явного позора и позаботилась о ней.

Старая леди, которая в те времена еще была энергичной и острой на язык женщиной средних лет, заставила любовника-солдата жениться на его впавшей

в отчаяние подружке, а когда он вскоре после этого допился до смерти, купила для овдовевшей служанки дом, в котором та сдавала комнаты и тем самым вполне прилично содержала себя и дочь.

На втором этаже этого респектабельного, но закопченного дома располагалась небольшая комната, которую она меблировала специально для друга покойной хозяйки. Днем спальня становилась гостиной, и маленькая кушетка, которую Эмили купила сама, превращалась в диванчик с помощью наброшенного на нее красно-синего пледа из «Комо». Единственное окно выходило на темный задний дворик, окруженный покрытой сажей стеной, местом встречи тощих кошек – они то куда-то по ней крались, то сидели неподвижно, мрачно таращась на уготованную им судьбу. В декоре апартаментов пригодились коврики из «Комо». К одному из них Эмили пришила тесьму, и теперь он висел на двери, исполняя функции портьеры. Другой коврик прикрывал тот угол комнаты, который служил мисс Фокс-Ситон гардеробной. Начав работать, это радостное создание купило себе квадратный кенсингтонский ковер самого насыщенного по меркам кенсингтонских ковров красного цвета и покрыло стулья самостоятельно сшитыми ярко-красными ситцевыми чехлами, присборив их вокруг сидений. Занавески были из дешевого белого муслина (по восемь фунтов и одиннадцать пенсов за пару в «Робсонс»), поверх которых она повесила ярко-красные драпри. На распродаже в «Либерти» она приобрела диванную подушку и несколько недорогих фарфоровых фигурок, украшавших теперь узкую каминную полку. Лакированный чайный поднос и чайный сервиз, состоявший из чашки, молочника, тарелки и заварочного чайника, казались ей признаками истинного богатства. После дня, проведенного на мокрых и холодных улицах, которые она искаживала вдоль и поперек, выполняя поручения своих патронесс – делая покупки, разыскивая новых портних или домашнюю обслугу, – она с радостью предвкушала возвращение в спальню-гостиную. К этому времени миссис Купп разводила огонь в крохотном камине, и это пламя, а также веселый свет лампы под самодельным абажуром из красного японского пергамента, пение стоявшего на каминной решетке маленького пузатого черного чайника представлялись уставшей и продрогшей девушке настоящей роскошью.

Миссис Купп и ее дочь Джейн Купп были к ней весьма добры и внимательны. Она пришлась по душе всем обитателям дома. Она не создавала никаких неудобств и была настолько рада любым проявлениям внимания, что Куппы – а, надо заметить, остальные их постояльцы, именующие себя «представителями свободной профессии», порою вели себя с хозяйками надменно и хамовато, – ее просто обожали. Случалось, что «представители свободной профессии», чрезвычайно изящные дамы и господа, которые исправно посещали балы или

играли небольшие роли в театрах, задерживали плату за жилье или внезапно съезжали, не заплатив, но плата от мисс Фокс-Ситон поступала столь же регулярно, как регулярно наступали субботние вечера. Хотя, правду сказать, бывали времена, когда стесненные обстоятельства заставляли Эмили всю неделю почти голодать, поскольку она ни за что бы не потратила предназначенные на оплату жилья деньги на обед в чайной для дам.

Для благочестивых матери и дочери Куппов она была чем-то вроде предмета гордости. Казалось, она принесла в их мрачный дом дух большого мира – мира, обитатели которого жили в Мэйфере или в загородных имениях, где устраивались приемы для любителей пострелять по тарелочкам или поохотиться, где существовали горничные, хозяйки которых, окутанные волнами шелка, тюля и кружев, дрожали на утреннем весеннем холодке в украшенных плюмажами экипажах, ожидая своей очереди быть допущенными в приемную Букингемского дворца. Миссис Купп знала, что мисс Фокс-Ситон была «со связями», и что у нее имелась титулованная тетушка, хотя эта высокородная особа никогда не проявляла к племяннице ни малейшего интереса. Джейн Купп покупала «Современное общество» и время от времени с удовольствием зачитывала своему молодому человеку заметки о замках или особняках, которые леди Молфрай, тетушка мисс Фокс-Ситон, посещала в обществе графов и фаворитов самого принца. Джейн также знала, что время от времени мисс Фокс-Ситон отсылала письма, адресованные «достопочтенной графине Такой-то», и получала ответы, печати на которых были украшены короной пэров. Однажды она даже получила письмо с листьями земляники[1 - Земляничные листья – эмблема герцогского титула. Здесь и далее прим. пер.] – этот инцидент стал для миссис Купп и Джейн темой приятного обсуждения за чаем с тостами с маслом.

Однако сама Эмили Фокс-Ситон была далека от того, чтобы извлекать какую-либо выгоду из подобных знакомств. Со временем она до такой степени прониклась любовью к Куппам, что откровенно поведала им о том, что связывало ее с сильными мира сего. Кто-то из друзей графини Такой-то рассказал ей о мисс Фокс-Ситон, благодаря которой удалось отыскать превосходную гувернантку, и графиня поручила ей найти горничную, подходящую юным леди. Что же касается герцогини, то Эмили выполняла кое-какую секретарскую работу в патронируемом высокочтимой особой благотворительном обществе. На самом деле эти великосветские дамы знали ее как хорошо воспитанную молодую женщину, которая за скромное вознаграждение могла выполнить бесчисленное множество разнообразных поручений. Она же знала о них гораздо больше и со свойственным ей искренним восхищением теми, кто проявлял к ней доброту, иногда рассказывала миссис Купп и Джейн об их красоте и благородстве.

Естественно, некоторые из патронесс проникались к ней симпатией, а поскольку она была приятной особой с безупречным воспитанием, щедро оказывали ей мелкие знаки внимания – приглашали ее на чай или ленч или вывозили с собой в театр.

В таких случаях ее радость и благодарность были настолько искренними, что Куппы не могли не радоваться вместе с ней. Кое-что смыслившая в портновском искусстве Джейн Купп почитала за счастье оказывать ей помощь в переделке старого наряда или сооружении нового. Между собой Куппы называли свою высокую, хорошо сложенную постоянлицу красавицей и помогали ей облачаться в вечернее платье, обнажавшее стройную шею и белые плечи, втыкали в уложенные в сложную прическу волосы украшения и усаживали ее в кэб. После чего удалялись в кухню и продолжали говорить о ней, недоумевая, почему до сих пор ни один достойный джентльмен, которому требовалась восседавшая во главе его стола красивая, элегантная женщина, до сих пор не сложил свою жизнь и достояние к ее ногам.

– В фотоателье на Риджент-стрит выставлены портреты дам, украшенные фамильными гербами, так они и вполтину не столь хороши, как наша мисс, – часто повторяла миссис Купп. – У нее прекрасный цвет лица, чудесные волосы и, как по мне, самый ясный и чистый взор, какой надлежит иметь настоящей леди. А посмотрите, как она сложена – какая шея, какая талия! Такая шея прямо создана для жемчугов да бриллиантов! Она прирожденная леди, она так проста, так естественна, так невероятно мила. Я не знаю никого, кто был бы равен ей по доброте и приветливости!

Среди клиенток мисс Фокс-Ситон имелись не только аристократки, но и дамы из буржуазного сословия; по правде говоря, их было куда больше, чем герцогинь, и потому у нее была возможность оказывать семейству Куппов некоторую поддержку. Джейн Купп не раз обшивала обитательниц Мэйда Вейл и Блумсбери, а у миссис Купп уже несколько лет столовался некий отрекомендованный Эмили молодой человек. Она настолько высоко ценила оказываемые ей благодеяния, что не упускала возможности оказывать их другим и по мере возможностей помогать всем и каждому.

Именно доброта, проявленная одной из симпатизировавших ей клиенток, заставила мисс Фокс-Ситон улыбаться, пока она этим утром пробиралась по уличной грязи. Она очень любила загородную жизнь, но, пережив то, что сама называла «неудачной зимой», не видела ни малейшей возможности этим летом

выбраться из города. Погода становилась на редкость жаркой, в ее маленькую красную комнату, казавшуюся такой уютной в зимние месяцы, не проникало ни ветерка из-за высокой стены на заднем дворе. Порою она лежала, задыхаясь от жары, на своей кушетке и думала о том, что когда все частные омнибусы, набитые сундуками и слугами, доставят свой груз к загородным станциям, пребывание в городе станет довольно тоскливым. Все разъехались кто куда, и на Мортимер-стрит в августе царил меланхолия.

И вдруг леди Мария пригласила ее в Моллоуи. Какая невероятная удача – и какая невероятная доброта!

Она не знала, каким источником удовольствия служила она для леди Марии и до какой степени пришлось по душе этой искушенной пожилой даме. Леди Мария Бейн была самой умной и злоязыкой особой в Лондоне. Она знала всех и в молодости перепробовала все, причем многое из перепробованного вряд ли можно было счесть пристойным. Некий герцог наслаждался ее обществом, и в связи с этим люди поговаривали о ней всякое. Но леди Марию это не смущало. Она сама умела говорить всякое, а поскольку была женщиной остроумной, то к ее высказываниям прислушивались и затем передавали их из уст в уста.

Поначалу Эмили Фокс-Ситон являлась к леди Марии на час каждый вечер и служила ей всего лишь писцом. От ее имени она отсылала, отклоняла и принимала приглашения, избегая просьб о пожертвованиях и наводивших тоску людей. Эмили обладала твердым и разборчивым почерком, практическим умом и необходимыми знаниями. Со временем леди Мария стала полагаться на нее все больше и чаще посылала ее с различными поручениями. Как следствие, она стала чаще бывать на Саут-Одли-стрит, и однажды, когда леди Мария заболела и ужасно за себя испугалась, Эмили так хорошо за ней ухаживала, что леди Мария продержала ее подле себя целых три недели.

– Эта особа настолько мила и настолько лишена дурных склонностей, что находиться с нею рядом даже приятно, – говорила потом ее светлость своему племяннику. – Большинство женщин похожи на раздраженных кошек. А ей ничего не стоит сходить за пилюлями или пластырем, при этом она обладает достоинством принцессы, поскольку делает все просто и легко, без дурных мыслей и зависти.

Вот так и получилось, что время от времени Эмили надевала лучшее платье и самую изящную шляпку и отправлялась на Саут-Одли-стрит на чаепитие.

(Иногда перед этим она ездила с пересадками в одно местечко в Сити, где можно было приобрести особый чай, о котором много говорили.) Здесь она встречала интересных людей, среди которых редко попадались глупцы, ибо леди Мария была заключена в чудесную броню сдобренного юмором эгоизма, который на корню уничтожал всякие поползновения на скуку.

– Терпеть не могу скучных людей, – любила повторять она. – Я сама скучная.

В то утро, с которого начинается наш рассказ, Эмили Фокс-Ситон застала леди Марию за изучением книги посетителей и составлением списка.

– Составляю списки для приемов в Моллоуи, – сердито пояснила она. – До чего же утомительное занятие! Те, кого хочешь видеть, в это время находятся на другом краю земли. А о ком хочешь посплетничать, так о них, оказывается, уже сплетничают! Эти забавные Декстеры! Чудесная пара – оба приятные на вид, и оба готовы флиртовать с кем угодно. Но, боюсь, слишком уж готовы! Господи! Если у меня в доме не случится скандала, которым можно втихую позабавиться, то лучше вообще обойтись без скандала. Помогите мне, Эмили.

Эмили присела подле нее.

– Видите, это список для приема в начале августа, – сказала ее светлость, почесывая тупым концом карандаша изящный носик. – Ко мне приедет Уолдерхерст. Мне нравится принимать Уолдерхерста. Стоит ему войти в комнату, как дамы начинают манерничать и принимают томный вид, кроме тех, кто затевает интересные разговоры, чтобы привлечь его внимание. И все это в надежде женить его на себе. Если б он был мормоном, то мог бы завести себе целую толпу маркиз Уолдерхерст всех возможных фасонов и размеров.

– Полагаю, – сказала Эмили, – он очень любил первую жену и не намерен жениться снова.

– Да не любил он ее вовсе, не больше, чем какую-нибудь горничную! Просто надо было жениться, что его весьма раздражало. Поскольку бедняжка умерла, он считает своим долгом жениться снова, но ненавидит саму мысль об этом. Это довольно вялый тип, он не выносит, когда вокруг него суетятся жаждущие любви женщины.

Они продолжали листать книгу посетителей и обсуждать людей и даты. Наконец список был составлен, приглашения написаны, и Эмили собралась уходить. Но только когда она встала и принялась застегивать накидку, леди Мария высказала свое пожелание.

– Эмили, я намерена попросить вас прибыть в Моллоуи второго числа. Хочу, чтобы вы помогли мне позаботиться о гостях и о том, чтобы они не наскучили мне и друг другу, хотя то, что они могут наскучить друг другу, заботит меня и вполвину меньше того, что они могут наскучить мне. Мне нужна возможность уйти и передохнуть немного в любое удобное для меня время. Не собираюсь их развлекать. А вы могли бы куда-нибудь их отвести – например, пособирать что-нибудь, посмотреть на колокольни. Надеюсь, вы приедете.

Эмили Фокс-Ситон залилась краской, глаза ее загорелись.

– О, леди Мария, вы так добры! – воскликнула она. – Я была бы счастлива! Я так много слышала о Моллоуи. Все говорят, что он прекрасен, и что таких садов во всей Англии не найти!

– Действительно, сады хороши. Мой муж был помешан на розах. Вы можете воспользоваться поездом в 2.30 от Паддингтона, приедете как раз к чаю на лужайке.

Эмили расцеловала бы леди Марию, если бы они были в тех отношениях, которые позволяют проявлять привязанность. С таким же успехом она могла бы расцеловать дворецкого, когда он как-то за ужином склонился к ней и сдержанно-доверительно прошептал: «Портвейн или шерри, мисс?» Бибсуорт был бы поражен не менее леди Марии и наверняка бы удалился в ужасе и негодовании.

Садясь в омнибус, она сияла от восторга, который красит любую женщину. Только подумать, как ей повезло! Она выберется из своей душной комнатухи и станет гостьей в одном из самых прекрасных старых домов Англии! До чего же восхитительно пожить хоть сколько-нибудь так, как живут те, кому улыбнулась Фортуна, прикоснуться к их замечательному порядку, живописной жизни, полной достоинства! Отдыхать в прелестной спальне, да чтобы по утрам тебя будила вышколенная горничная, пить утренний чай из изящной чашки и слушать пение птиц в парке! Она искренне ценила простые радости, и мысль о том, что

она каждый день будет надевать свои самые красивые платья и каждый вечер переодеваться к ужину, наполняя ее несказанной радостью. Она умела брать от жизни гораздо больше, чем многие другие, пусть даже и не осознавала этого.

Открыв своим ключом дверь дома на Мортимер-стрит, она поспешила наверх, даже не вспоминая о тяжелой влажной жаре. Джейн Купп как раз спускалась по лестнице, и Эмили расплылась в счастливой улыбке.

– Джейн, если вы не очень заняты, я бы хотела с вами поговорить. Вы не зайдете ко мне?

– Да, мисс, – ответила Джейн с привычным видом горничной из хорошего дома. Джейн мечтала когда-нибудь стать горничной у знатной леди и в глубине души считала, что общение с мисс Фокс-Ситон послужит ей хорошей школой. Она просила разрешения помочь ей одеться, когда та собиралась на выход, и считала особой привилегией позволение «убрать» ей волосы.

Джейн помогла Эмили снять уличный костюм и аккуратно сложила ее перчатки и вуалетку. А заметив, что Эмили присела, чтобы стащить грязные ботинки, ловко опустилась перед ней на колени.

– О, благодарю, Джейн, – воскликнула Эмили, по обыкновению выделяя слова. – Вы так добры, а я так устала, правда! Но произошло нечто замечательное! Я получила восхитительное приглашение на первую неделю августа.

– Уверена, что это вас обрадовало, мисс! В августе так жарко.

– Леди Мария Бейн была так добра, что пригласила меня в Моллоуи-корт, – пояснила Эмили, с улыбкой глядя, как Джейн надевает дешевый шлепанец на ее крупную, но хорошей формы стопу. Она была скроена по большой мерке, и ножки у нее были отнюдь не как у Золушки.

– О, мисс! Это чудесно! Как раз на днях я читала в «Современном обществе» о Моллоуи, и там говорилось, какие изысканные приемы дает ее светлость. И еще рассказывалось о маркизе Уолдерхерсте.

– Он приходится кузеном леди Марии и тоже приглашен.

Эмили была общительной, но жила вдали от подходящих собеседников, так что даже болтовня с Джейн и миссис Купп доставляла ей удовольствие. Они не распускали сплетен и не совали нос в чужие дела, и Эмили считала их своими подругами. Как-то раз она заболела, пролежала в постели целую неделю и вдруг поняла, что у нее нет никого из близких, и что если ей придется умирать, то напоследок ей суждено лицезреть лишь миссис Купп и Джейн. В ту ночь она даже немного поплакала, но потом сказала себе, что в таких печальных мыслях следует винить высокую температуру и общую слабость.

– Из-за этого приглашения я и хотела с вами, Джейн, поговорить. Видите ли, пора бы нам побеспокоиться о платьях.

– И в самом деле, мисс. Хорошо, что сейчас летние распродажи, не так ли? Вчера я видела хлопок чудесных расцветок. И такой дешевый! Для загородного отдыха будет в самый раз. И потом, ведь у вас есть новое чесучовое платье с голубым воротником и кушаком, оно вам так идет!

– Я думаю, чесуча всегда выглядит свежо, – заметила Эмили. – А еще я видела действительно симпатичный маленький бежевый топ из соломки, мягкой такой, за три фунта одиннадцать пенсов. Если его украсить голубым шифоном и декоративной строчкой, будет смотреться замечательно.

Руки у нее были ловкие, и она часто мастерила чудесные вещички с помощью пресловутых шифона и декоративной строчки, а еще из льна, муслина да обрезков купленного на распродаже кружева. Они с Джейн довольно весело провели весь день в совместных размышлениях о том, как еще разнообразить ее скудный гардероб, и пришли к выводу, что коричневую юбку вполне можно перелицевать, а если к жакету сделать новые лацканы и воротник, а еще соорудить жабо из светло-бежевого кружева, костюм будет выглядеть как новенький! Еще можно переделать черное вечернее платье, которое в прошлом году ей подарила одна из дам. У Эмили свежий цвет лица, белые плечи, черное ей пойдет как нельзя лучше. Есть еще белое платье, которое надо отправить в чистку, и старое розовое – оно очень широкое, но если его дополнить кружевом, получится чудесно.

– Что ж, полагаю, с платьями к ужину у меня все в порядке, – сказала Эмили. – В конце концов, никто и не ждет, что я буду каждый день надевать новое. Если вообще кто-либо обратит на меня внимание.

Она не осознавала ни степени своего смирения, ни ангельского простодушия. На самом деле она никогда и не размышляла о качествах, присущих ей самой, предпочитая рассуждать о восхищавших ее качествах других людей. Эмили Фокс-Ситон не голодала, у нее была крыша над головой, замечательный гардероб, и она полагала, что этого ей вполне хватает, как хватает всего остального ее более удачливым знакомым. Всего, что у нее имелось, она достигла тяжелым трудом, и была удовлетворена своим скромным достатком. На летних распродажах она приобрела пару ситцевых платьев, в которых, благодаря своему росту и тонкой талии, выглядела вполне элегантно. Матросская шляпка с изящной лентой и изысканно расположенным перышком, несколько свежих воротничков, бант, смело повязанный шелковый платок, несколько пар свежих перчаток – о да, она считала, что экипирована вполне прилично.

Во время своей последней экспедиции по распродажам она наткнулась на симпатичный белый парусиновый жакет и юбку и купила их в подарок Джейн. Да, после этого у нее не осталось денег на покупку зонтика, о котором ей мечталось, но она нисколько не жалела. Если бы у нее были средства, она бы делала подарки всем-всем, кого знала, но особенно приятно было ей дарить что-то Куппам, которые, как она всегда считала, делали для нее гораздо больше, чем обычные хозяева для своих обычных жильцов. Порядок, который они наводили в ее маленькой комнате, всегда поджидавший ее свежесваренный чай, букетик нарциссов, время от времени появлявшийся у нее на столе – все это было проявлениями доброты, и она была им за это благодарна.

– Я так обязана вам, Джейн! – сказала она, усаживаясь в четырехколесный экипаж, который должен был доставить ее на вокзал. – Не представляю, что бы я делала без вас! Вот этот наряд, вы так замечательно его обновили, я чувствую себя в нем превосходно. Если вдруг горничная леди Марии вздумает уйти, я непременно буду рекомендовать вас на ее место!

Глава 2

В 2.30 с Паддингтона отбывали в Моллоуи-корт и другие гости, но поскольку все они принадлежали к высшим слоям общества, дежурный в фуражке с кокардой и в длинном серо-коричневом плаще препроводил их в вагон первого класса.

Эмили путешествовала третьим классом, вместе с рабочим людом, нагруженным разнокалиберными узлами, и видела в окно тех, кто шествовал к первому классу – если б она не была так взволнована, она, может, и вздохнула бы с легким сожалением. Она надела ту самую обновленную коричневую юбку и белую льняную блузку с коричневыми крапинками, свежий воротничок стягивал шелковый коричневый галстук, а на голове красовалась новая матросская шляпка. Коричневые перчатки, коричневый зонтик – все было аккуратным, свежим, но явно недорогим. Частые гости распродаж, платившие за ярд по три одиннадцать, могли бы точно высчитать, во сколько ей все это обошлось. Но людей, способных на такие подсчеты, среди гостей Моллоуи быть не могло. Даже слуги их были наверняка не так хорошо осведомлены о ценах.

Пассажирами, которых дежурный в серо-коричневом плаще провожал в первый класс, были мать и дочь. У матери были правильные черты лица, она могла бы казаться даже привлекательной, если б не чрезмерная полнота. Одета она была в изящный дорожный костюм и чудесный пыльник из тонкого светлого шелка. Ей вряд ли подходило слово «элегантная», но наряд отличался роскошью – понятно было, что эта дама скупиться не привыкла. Дочка выглядела очень миленькой, с тонкой гибкой талией, мягкими розовыми щечками и пухлыми губками. На ней была шляпка из голубой соломки с широкими полями, газовым бантом и цветами – шляпа выглядела как-то уж слишком по-парижски.

«Немножечко чересчур, – подумала Эмили, – но как она прекрасно в ней смотрится! Полагаю, она просто не смогла устоять – так эта шляпка ей идет! Уверена, что от Виро...»

Пока она в восхищении разглядывала девушку, мимо окна прошел некий джентльмен. Высокий, с квадратной челюстью. Он скользнул взглядом по Эмили, словно та была невидимкой, и прошествовал в следующий за ее вагоном вагон для курящих.

Когда поезд остановился в Моллоуи, он вышел одним из первых. На платформе прибывающих ожидали двое слуг леди Марии – Эмили узнала их ливреи. Один из них подошел к высокому джентльмену, поприветствовал его и проводил к двуколке, в которую был запряжена нетерпеливо приплясывающая чудесная темно-серая лошадь. Джентльмен взобрался на высокое сиденье, слуга встал сзади, и лошадь потрусилась по дороге. Второй слуга препроводил мисс Фокс-Ситон и ее попутниц к поджидавшему их у станции ландо. При этом слуга оказывал матери и дочери все надлежащие почести, а взглянув на Эмили, лишь

прикоснулся к шляпе, понимая, что она в состоянии позаботиться о себе сама.

Что она и сделала, проследив, чтобы ее багаж загрузили в омнибус до Моллоуи. Подойдя к ландо, она увидела, что обе других гостьи уже в нем расположились, и смиренно уселась спиной к лошадям.

Мать и дочь не понимали, как себя вести. Обе они производили впечатление особ приветливых, но не знали, как начать разговор с дамой, которую им никто не представил, но которая оказалась гостьей того же поместья.

Эмили сама решила эту проблему, с милой дружелюбной улыбкой произнесла ни к чему не обязывающую фразу:

- Какой очаровательный вид, вы не находите?

- Замечательный, - отозвалась мать. - Я никогда раньше не бывала в Европе, и английская сельская местность кажется мне просто изумительной. У нас в Америке тоже есть летний дом, но виды там совершенно другие.

Она была расположена поболтать, и с деликатной помощью Эмили Фокс-Ситон разговор завязался. Они еще не преодолели и половину пути до Моллоуи, как выяснилось, что мать и дочь живут в Цинциннати, что зиму провели в Париже, по преимуществу нанося визиты то к Пакен, то к Дусею, то к Виро[2 - Жанна Пакен, Жак Дусей, Виро - модные французские дизайнеры начала XX века.], что на предстоящий сезон сняли дом в Мэйфере. Они назвали свою фамилию - Брук, и Эмили вспомнила, что слышала о них как о людях, в тратах не стесняющихся, посещающих бесконечные приемы, причем всегда в новых и красивых нарядах. Девушку вывел в свет американский посланник, и благодаря своим исключительным нарядам и изяществу в танцах она пользовалась успехом. Это была типичная американка, которой суждено выйти замуж за титулованную особу. У нее были сияющие глаза и аккуратный вздернутый носик. Но даже Эмили была способна догадаться, что маленькая мисс Брук ловка и сообразительна.

- Вы уже бывали в Моллоуи-корт? - осведомилась она у Эмили.

- Нет, и я предвкушаю большую радость, дом воистину прекрасен.

– Вы хорошо знаете леди Марию?

– Я знакома с ней около трех лет. Она была очень ко мне добра.

– Ну, я бы не назвала ее добрым человеком, у нее довольно острый язык.

Эмили улыбнулась:

– Она очень умна и остроумна.

– А с маркизом Уолдерхерстом вы знакомы? – осведомилась миссис Брук.

– Нет, – ответила Эмили, не принимавшая участия в той части жизни леди Марии, в которой присутствовали кузены-маркизы. Лорд Уолдерхерст никогда не посещал чаепитий – он приберегал себя для званых ужинов.

– А вы обратили внимание на того господина, который уехал в двуколке? – живо поинтересовалась миссис Брук. – Кора полагает, что это и есть маркиз. Слуга, который его встречал, был в той же ливрее, что и наш, – и она кивнула в сторону возницы.

– Это один из слуг леди Марии, – пояснила Эмили. – Я видела его на Саут-Одли-стрит. И лорд Уолдерхерст должен посетить в Моллоуи, леди Мария говорила об этом.

– Вот так, мама! – воскликнула Кора.

– Что ж, конечно, если и он здесь, тогда визит обещает быть интересным, – откликнулась миссис Брук, и в голосе ее почудилось некоторое облегчение. Эмили предположила, что мать хотела поехать куда-то в другое место, но дочь твердой рукой направила ее в Моллоуи.

– В этом сезоне в Лондоне о нем много говорили, – продолжала миссис Брук.

Мисс Кора Брук рассмеялась:

– Мы слышали, что по меньшей мере полдюжины юных леди вознамерились выйти за него замуж. Полагаю, для него будет приятным разнообразием встретить равнодушную к нему девицу.

– Однако не стоит быть слишком уж равнодушной, Кора, – довольно неуместно заметила ее мать.

Это было неосторожное замечание, и миссис Брук слегка покраснела. Если бы мисс Эмили Фокс-Ситон была более проникательной, она бы пришла к выводу, что во время этого визита лорду Уолдерхерсту может грозить опасность со стороны пикантной, красивой, но равнодушной молодой особы из Цинциннати и ее довольно бестактной матушки. Впрочем, представив картину в целом, можно было бы сказать, что именно бестактность матушки могла бы служить ему своего рода защитой.

Но Эмили всего лишь рассмеялась, так как сочла это замечание просто милой шуткой. Она с готовностью видела милую шутку во всем.

– Что ж, он может составить прекрасную партию для любой девушки, – сказала она. – Вы знаете, он так богат. Очень-очень богат!

По прибытию в Моллоуи их проводили на лужайку, где под раскидистыми деревьями был сервирован чай с маленькими горячими пирожками и где уже расположились гости с чайными чашками в руках. Здесь было несколько молодых женщин, и одна из них – очень высокая блондинка с огромными глазами цвета незабудок и в платье того же оттенка, что и глаза, – считалась признанной красавицей прошедшего сезона. Это была леди Агата Слейд, и Эмили восхитилась ею с первого взгляда. Она восприняла присутствие леди Агаты как дополнительный подарок и без того благосклонной к ней судьбы. Как же замечательно, что это прелестное создание, чьи портреты Эмили видела в иллюстрированных дамских журналах, тоже посетила Моллоуи! Ах, если бы эта красавица пожелала стать маркизой Уолдерхерст, разве что-то могло бы помешать осуществлению этого желания? Уж точно не сам лорд Уолдерхерст, поскольку он всего лишь человек. Леди Агата Слейд стояла, прислонившись к стволу остролиста, и слегка поглаживала изящной ручкой прижавшуюся к ее ногам белоснежную борзую с удлинённой изящной мордой. Поза была необыкновенно эффектной, и в этот миг леди Мария, оглянувшись, произнесла:

– А вот и Уолдерхерст.

По лужайке к ним направлялся тот самый джентльмен, который ехал в двуколке. Возраста он был среднего, обладал самой обыкновенной внешностью, однако был высок и представительен – возможно, потому что прекрасно представлял, что ему нужно, а что – нет.

Эмили Фокс-Ситон сидела в плетеном кресле с удобной подушечкой, пила чай и размышляла о том, кажется ли он выдающейся личностью и похож ли на истинного аристократа. Вообще-то, подумала она, ни то, ни другое, однако он хорошо сложен, хорошо одет, у него хорошие светло-карие глаза и пепельно-каштановые волосы. Среди этой светской публики, которой двигали побуждения какие угодно, кроме альтруизма, у мисс Фокс-Ситон имелось огромное преимущество: ей и в голову не могло прийти, что она может заинтересовать хоть кого-то. Эмили не подозревала, что именно это и составляло ее жизненный капитал, потому что простое удовлетворение действительностью было частью ее естества. Она об этом просто не думала. По правде говоря, Эмили с радостью играла роль аудитории, зрителя, и потому даже не заметила, что когда лорду Уолдерхерсту представляли гостей, он лишь скользнул по ней взглядом и, скорее всего, через секунду совершенно о ней забыл. Она просто наслаждалась прекрасным чаем и изумительной булочкой с маслом и без всяких задних мыслей наблюдала за лордом Уолдерхерстом, пытаясь составить собственное о нем мнение.

Леди Мария, похоже, любила его и была рада встрече с ним. И он тоже, пожалуй, любил леди Марию, хотя никоим образом этого не демонстрировал, и так же просто, без всякой аффектации, радовался чаю и возможности присесть рядом с кухней. Больше он ни на кого особого внимания не обращал. Эмили была даже слегка разочарована тем, что он лишь однажды глянул на красавицу с борзой, да и то, похоже, его больше занимала борзая. Эмили не могла также не заметить, что как только он присоединился к их обществу, общество – в особенности женская его часть – как-то воспрянуло духом. Она вспомнила, что говорила о нем леди Мария. Действительно, беседы стали оживленнее, то тут, то там раздавался смех, слышались милые шутки, и все это каким-то образом было адресовано лорду Уолдерхерсту, хотя никто и не обращался к нему напрямую. Исключение составляла лишь мисс Кора Брук, внимание которой было целиком занято неким молодым человеком в белом хлопковом костюме, намекавшем на его страсть к теннису. Она сидела немножко в стороне от остальных гостей и говорила достаточно тихо, как бы исключая лорда

Уолдерхерста из круга своего общения. Затем она и ее компаньон встали и вообще ушли. Они спустились по широкой каменной лестнице к теннисному корту, прекрасно видному всем собравшимся на лужайке, и начали партию в теннис. Мисс Брук порхала по корту, словно ласточка, и край ее кружевной нижней юбки очаровательно порхал вслед за ней.

– Этой девушке не следовало бы играть в теннис на таких нелепых каблуках, – заметил лорд Уолдерхерст. – Она так весь корт испортит.

Леди Мария усмехнулась:

– Ну что ж делать, если ей именно сейчас приспичило поиграть. Она только что приехала, и ей просто не пришло в голову выйти к чаю в теннисных туфлях.

– И все равно, она испортит корт, – повторил маркиз. – Что за наряды! Просто поражаюсь, как нынче одеваются девушки!

– Я бы тоже не прочь так одеваться! – снова усмехнулась леди Мария. – У нее очень милые ножки.

– И каблуки, как у Людовика XV[3 - В 1660 году сапожник сделал для короля Людовика XV роскошные туфли с вышивкой, изображающей батальные сцены, с десятисантиметровыми каблуками.], – упорствовал его светлость.

Во всяком случае, подумала Эмили Фокс-Ситон, мисс Брук придерживается своего намерения держаться подальше от маркиза и не прибегать ни к каким соблазнительным уловкам. Когда теннисная партия подошла к концу, она принялась прогуливаться со своим компаньоном по лужайке и террасам, при этом держала раскрытый зонтик так, чтобы на его фоне ее милая головка смотрелась особенно удачно. Ее общество явно радовало молодого человека – то и дело доносился его хохот и ее дразнящий серебристый смех.

– Интересно, что это там Кора рассказывает? – спросила миссис Брук, обращаясь ко всем сразу. – Уж что-что, а рассмешить мужчин она умеет.

Эмили Фокс-Ситон тоже стало интересно – их веселье показалось ей очень привлекательным. Однако она подумала, что умение смешить мужчин вряд ли

порадует человека, который не мог не обратить внимания на мисс Кору, но кого мисс Кора сама вниманием не удостоила.

Что касается леди Агаты Слейд, то ей внимания маркиза досталось в этот вечер больше, чем кому бы то ни было. За обедом она сидела рядом с ним и выглядела в бледно-зеленом шифоне просто изумительно. У нее была изящная маленькая голова, мягкие волосы, уложенные легкими волнами, и длинная шея, гибкая, как стебелек. Она была настолько хороша, что любой, засмотревшийся на нее, мог предположить, что она еще и глупа к тому же, однако она была отнюдь не дурочкой.

Леди Мария не могла не прокомментировать этот факт, когда мисс Фокс-Ситон зашла перед сном к ней в спальню. Леди Мария любила поболтать с полчаса на сон грядущий, а искренний интерес Эмили Фокс-Ситон ко всему, что она говорила, одновременно и бодрил, и успокаивал. Ее светлость была из тех старых женщин, которые не стеснялись доставлять себе удовольствие откровенными разговорами. И хотя она не терпела рядом с собой глупцов, умники тоже не всегда ее радовали.

– Они держат меня в постоянном напряжении, – говорила она. – Все, кто способны на хлесткие фразы, заставляют меня прыгать выше головы. А я сама люблю изъясняться афоризмами.

Эмили Фокс-Ситон принадлежала к золотой середине, к тому же являлась прирожденной слушательницей. Ей доставало сообразительности, чтобы при повторении не испортить сути высказывания – в этом отношении на нее всегда можно было положиться, к тому же она непременно отдавала должное автору. Леди Мария знавала тех, кто, услышав хорошую фразу, бесстыдно ее присваивал. А при Эмили она могла без всякого стеснения подвести итоги сегодняшнего вечера и своих наблюдений.

– Я уже трижды приглашала Уолдерхерста, и каждый раз надеялась, что он выйдет от меня с новой маркизой. Довольно уж ему болтаться между небом и землей, это ужасно раздражает. Человек в его положении, если у него хватает характера сделать выбор, ни за что не позволит жене доставлять себе какие-либо неудобства. Он даст ей хороший дом, повесит на нее фамильные бриллианты, наймет кого-то вроде дуэньи, какую-нибудь достойную пожилую женщину, короче, поставит ее в стойло, где она может взбрыкивать сколько угодно, не нарушая при этом приличий. Однако он не станет допускать ее в свои

комнаты – это для него святое. Как и его клубы, и его личные интересы. В наши дни мужья и жены могут почти не действовать друг другу на нервы. Супружеская жизнь стала сравнительно сносной.

– Полагаю, его жена будет очень счастлива, – прокомментировала Эмили. – Он показался мне человеком добрым.

– Насчет его доброты ничего сказать не могу. У меня никогда не было нужды занимать у него деньги.

Хозяйка дома умела произносить протяжным тоном настоящей леди довольно странные вещи.

– Он гораздо респектабельнее многих своих ровесников. Семейные бриллианты просто великолепны, и у него имеются не только три поместья, но и средства на их содержание. Итак, на сегодняшнем приеме мы обнаружили троих претенденток. Вы, Эмили, конечно, уже догадались, кто это?

Эмили Фокс-Ситон смутилась: она почувствовала, что ее просят отбросить деликатность.

– Леди Агата, конечно же, – сказала она. – И миссис Ральф, она очень умна. И мисс Брук тоже очень приятная.

Леди Мария хмыкнула.

– Миссис Ральф свое дело знает. Она загонит Уолдерхерста в угол и примется, закатывая глаза, рассуждать о литературе, пока он ее не возненавидит. Эти пишущие дамочки всегда так самодовольны! А если у них в придачу имеется еще и приятная внешность, тогда они уверены, что могут женить на себе любого. У миссис Ральф глаза красивые, но она их все время закатывает. Уолдерхерста взглядами не проймешь. Эта девица Брук будет поумнее Ральф. Очень умная девушка. Сходу начала.

– Но я... Но я ничего такого не заметила, – в недоумении ответила Эмили.

– Да нет же! Вы все видели, просто не поняли, в чем дело. Этот теннис, эти шуточки с молодым Хериотом на террасе! Она подает себя как эдакую пикантную штучку, совершенно не заинтересованную в моем кузене и во всей этой суете. Настоящая героиня современных романов. Но по-настоящему успешная женщина всегда знает, когда можно финтить, а когда следует остановиться. Уолдехерст слишком высокого о себе мнения, чтобы заинтересоваться девушкой, флиртующей с другими мужчинами, его на мякине не проведешь.

Эмили Фокс-Ситон невольно вспомнила совет миссис Брук: «Не стоит быть слишком уж равнодушной, Кора». Ей даже не понравилось это мелькнувшее воспоминание, потому что она чувствовала симпатию к матери и дочери Брук и хотела верить в их искренность. Нет, такая привлекательная девушка не может не заинтересовать маркиза Уолдехерста! И все же, подумалось ей, как проникательна леди Мария!

– Ах, леди Мария, вы все подмечаете! – воскликнула она. – Просто удивительно!

– Я выдержала сорок семь лондонских сезонов. Это много, очень много. Сорок семь сезонов и толпа дебютанток с мамашами на пути к просветлению. И так, осталась Агата Слейд, бедное дитя! Таких, как она, я знаю как облупленных. При всей ее родовитости и красоте она совершенно безнадежна. Ее семья настолько бедна, что впору обращаться за благотворительной помощью, при этом ее родители произвели на свет шестерых – подумать только, шестерых! – дочерей, что, согласитесь, совершенно неприлично! Все с прекрасной кожей и с очаровательными маленькими носиками, божественными глазами и все такое прочее. Большинство мужчин не могут позволить себе такую жену, а они не могут позволить себе большинство мужчин. Еще немного, и Агате придется отойти в сторонку, дать шанс другим, если, конечно, ей не удастся все-таки выйти замуж. В этом сезоне иллюстрированные газеты ее хорошо прорекламировали, она была нарасхват. Дебютанток нынче рекламируют как мыло, разве только зазывалы с их именами по улицам не расхаживают! Но Агате особо нечего предложить, и я знаю, что и она, и ее матушка в смятении. В следующем сезоне надо будет уже вывозить Аликс, а они не могут позволить себе два комплекта бальных нарядов. Агате придется вернуться в их родовой замок в Ирландии, а отправиться в Касл-Клер – это все равно, что отправиться в Бастилию. Оттуда живой не выберешься. Она постепенно перестанет быть изящной и станет просто тощей, а личико из нежного превратится в бесцветное. Нос заострится, волосы поредеют...

– Ох! – воскликнула Эмили с искренним сочувствием. – Какая жалость! Я надеюсь, правда, надеюсь, что она понравилась лорду Уолдехерсту!

– О, она всем нравится, но если никто не сделает следующего шага, то ничто ее, бедняжку, от Бастилии не спасет! Ладно, Эмили, пора в постель. Мы с вами заболтались.

Глава 3

О как же приятно просыпаться в тихой, роскошно обставленной спальне, в которую сквозь зеленую листву пробиваются мягкие лучи утреннего солнышка! И как это не похоже на обычные пробуждения мисс Фокс-Ситон, когда первое, что она видела, открыв глаза, были покрытые дешевыми обоями четыре стены, а первыми услышанными ею звуками был грохот колес по мостовой и перестук молотков: в соседнем доме жил человек, колотивший чем-то тяжелым с самого раннего утра.

Проснувшись в свое первое утро в Моллоуи, она с наслаждением, совсем как ребенок, потянулась. Как сладостно просыпаться на мягкой, пахнущей лавандой постели, как свежи шторы из вошеного набивного ситца! Отсюда, с подушки, ей были видны кроны деревьев, в которых щебетали скворцы. Принесенный утренний чай казался напитком богов. У нее было отменное здоровье и такой же по-детски неиспорченный вкус. Ее способность радоваться была естественна и нормальна, что в наши дни кажется совершенно ненормальным.

Она поднялась и быстро оделась, желая как можно скорее выйти на солнышко. На лужайке она оказалась раньше всех, там не было никого, кроме лежавшей под деревом борзой, которая, увидев Эмили, поднялась и с достоинством к ней направилась. Воздух был свеж, роскошный привольный вид купался в солнечных лучах, на высаженных вдоль дорожек цветах блестела роса. Она прошла по свежестриженному газону и остановилась, замороженная раскинувшимися перед ней далями. Ей захотелось расцеловать белых овечек, пасущихся в полях и группками лежавших в тени деревьев.

– Какие милые! – не сдержавшись, воскликнула она.

Она что-то говорила собаке, нежно ее поглаживая. Пес, казалось, понял ее чувства и, когда она остановилась, тесно прижался к ее ногам. Затем они вместе отправились на прогулку по саду, где наткнулись на резвящегося ретривера, который тут же пристроился следом. Эмили любовалась цветами, время от времени останавливаясь и погружая лицо в ароматные лепестки. Она была так счастлива, что, казалось, радость лилась из ее глаз.

Повернув в узкий проход между розовых кустов, она вздрогнула от неожиданности – навстречу ей шел лорд Уолдерхерст. Он выглядел чрезвычайно свежо в светлом легком костюме с брюками-гольф, который, надо отметить, был ему к лицу. За ним следовал садовник, он срезал розы, на которые, видимо, указывал маркиз, и укладывал их в плетеную корзину. Эмили Фокс-Ситон принялась лихорадочно перебирать в уме фразы, уместные в этих обстоятельствах – если он соизволит остановиться и заговорить с ней. Но затем успокоила себя, подумав, что ей действительно есть что сказать о красоте садов и о небесно-голубых колокольчиках в цветочных бордюрах. Это такое облегчение – говорить о том, что видишь на самом деле, а не что-то там придумывать! Но его светлость и не подумал останавливаться и вступить с ней в разговор. Его интересовали исключительно розы (которые, как потом выяснилось, он намеревался послать в город своему больному другу), и когда она подошла поближе, он отвернулся, чтобы дать какие-то указания садовнику. Дорожка была узкой, и когда Эмили попыталась пройти мимо, он вынужден был снова повернуться и тогда уже не мог не посмотреть ей в лицо.

Они были почти одного роста и поскольку оказались в такой непосредственной близости друг от друга, оба испытали некоторую неловкость.

– Простите, – сказал он, посторонившись и приподнимая соломенную шляпу.

Он не сказал «простите, мисс Фокс-Ситон», и Эмили поняла, что он снова ее не узнал, и что у него нет ни малейшего представления о том, кто она и откуда.

Она прошла мимо со спокойной дружелюбной улыбкой, припомнив сказанные леди Марией накануне слова:

«Подумать только, если он женится на леди Агате, она станет хозяйкой трех имений, равных по красоте Моллоуи, трех прелестных старинных домов и трех садов, в которых каждый год цветут тысячи цветов. Как это будет мило! Она так

хороша, что он просто обязан в нее влюбиться! А потом, когда станет маркизой Уолдерхерст, она сможет позаботиться о своих сестрах».

После завтрака Эмили занялась многочисленными делами леди Марии. Писала письма, помогала планировать развлечения для гостей. Эмили была очень занята и радовалась этому. После обеда она отправилась через поросший вереском торфяник в деревню Монделл. Вообще-то Эмили ехала туда с поручением от хозяйки, но ей так нравилось править, а бурая лошадка была такая красавица, что она воспринимала эту поездку как еще одно проявление гостеприимства ее светлости. Правила она умело, а ее высокая сильная фигура так хорошо смотрелась в коляске, что на нее обратил внимание сам лорд Уолдерхерст.

– У этой женщины такая ровная, прямая спина, отличная осанка, – заметил он леди Марии. – Как ее зовут? Когда кого-то представляют, имена запомнить совершенно невозможно.

– Зовут ее Эмили Фокс-Ситон, – ответила ее светлость, – и это очень милое создание.

– Большинство мужчин ужаснулись бы, услышав такой отзыв о женщине, но для человека эгоистичного и сознающего, что он из себя представляет, милое создание может стать милым компаньоном.

– Вы совершенно правы, – ответила леди Мария, глядя сквозь лорнет на удаляющуюся коляску. – Я сама эгоистка, и понимаю, что именно поэтому Эмили Фокс-Ситон стала для меня просто путеводной звездой. Это так приятно, когда тебя балует человек, даже не понимающий, что он кого-то балует. Она и не подозревает, что заслуживает благодарности.

Этим вечером миссис Ральф вышла к ужину в янтарном шелке, что, видимо, каким-то образом подчеркивало ее желание блистать. Она была достаточно остроумна, чтобы собрать кружок слушателей, и лорд Уолдерхерст также к нему присоединился. Это явно был вечер миссис Ральф. Когда мужчины вернулись в гостиную, она сразу же набросилась на его светлость и смогла удержать его при себе. Беседу вести она умела, и, возможно, лорд Уолдерхерст даже получал от этой беседы удовольствие. Впрочем, насчет удовольствия Эмили Фокс-Ситон не была так уж уверена, однако он все-таки слушал. Леди Агата Слейд выглядела

слегка утомленной и бледной. Какой бы красавицей она ни была, обрести свой кружок ей удавалось не всегда, а в этот вечер она жаловалась на головную боль. Она прошла в другой конец комнаты, села рядом с мисс Эмили Фокс-Ситон и заговорила с ней о благотворительной акции, предпринятой леди Марией – по ее инициативе дамы вязали разные поделки для моряков и рыбаков. Эмили была благодарна ей за внимание и нашла, что разговаривать с леди Агатой легко и приятно. Она не сознавала, что в этот момент сама оказалась наиболее приятной и уместной компанией для леди Агаты Слейд. Во время прошедшего сезона о леди Агате много говорили, и Эмили запомнила некоторые мелочи, которые могли бы поднять настроение впавшей в уныние девушке. Порою балы, на которых присутствовавшие во все глаза наблюдали за тем, как она танцует, комплименты в ее адрес, сменявшие друг друга надежды и ожидания – все это казалось Агате чем-то ненастоящим, нереальным, похожим на сны. По правде говоря, все действительно оказалось сном, мечтой, растаявшей в царившей в родном доме тяжелой атмосфере неоплаченных счетов. Особенно остро она ощутила это сегодня, получив от матери длинное и взволнованное письмо, в котором та расписывала необходимость пораньше начать готовиться к выходу в свет Аликс – ее и так придержали на год, и на самом деле ей было уже ближе к двадцати, чем к девятнадцати.

«Насколько проще живется тем, чьи имена не входят в “Дебретт” и в “Берк»»[4 - «Дебретт» и «Берк» – британские светские ежегодники, «Дебретт» издается с 1769 года, «Берк» – с 1829-го.], – сетовала в своем письме леди Клерауэй. – Но как быть тем, у кого есть дочери, чей возраст можно узнать у любого книгопродавца?»

Мисс Фокс-Ситон видела портрет леди Агаты на выставке в Академии художеств и лично убедилась в том, что вокруг него толпится публика, послушала, что говорили собравшиеся, и была согласна с теми, кто утверждал, будто портрет не в состоянии передать всей красоты оригинала.

– Увидев ваш портрет в первый раз, я стояла неподалеку от сэра Брюса Нормана и некоей пожилой леди, – говорила Эмили, начиная новый ряд шарфа из белой шерсти, предназначенного для застигнутых непогодой рыбаков. – Он был крайне раздосадован. Я слышала, как он говорил: «Портрет совсем не хорош. Она гораздо, гораздо красивее. У нее глаза, как незабудки». И я, как только вас увидела, тоже поняла, что неотрывно смотрю вам именно в глаза. Надеюсь, вы не сочли меня бесцеремонной.

Леди Агата улыбнулась, слегка покраснев, и подхватила изящной рукою моток белой шерсти.

– Есть люди, по природе своей неспособные быть бесцеремонными и грубыми, – любезно произнесла она, – и вы, я уверена, как раз из этой породы. Ваше вязание выглядит очень мило. Интересно, могла бы и я сделать шарф для рыбака?

– Почему бы вам не попытаться? Я наберу для вас нужное количество петель, а вы продолжите. У леди Марии есть несколько пар деревянных спиц. Хотите?

– Конечно, пожалуйста. Вы очень добры!

В этот момент в монологе миссис Ральф возникла пауза, и она, взглянув на то, как мисс Фокс-Ситон, склонившись к леди Агате, учит ее вязать, объявила:

– Ну что за добросердечное создание...

Лорд Уолдерхерст со скучающим видом вставил в глаз монокль и тоже посмотрел в другой конец комнаты. Эмили надела свое черное вечернее платье, выгодно оттенявшее белизну горделивых плеч и шеи. От сельского воздуха и солнышка лицо ее слегка посмуглоло, каштановые волосы сверкали в свете стоявшей неподалеку лампы. Казалось, от нее самой исходит теплый и ровный свет, и она была искренне увлечена действиями своей ученицы.

Лорд Уолдерхерст молча ее разглядывал. Он был человеком неразговорчивым, и дамы порою считали его слишком холодным. На самом же деле он считал, что человеку его положения ни к чему себя утруждать: вести беседу он предоставлял женщинам. Они хотели говорить, потому что желали, чтобы он их слушал.

Вот миссис Ральф и говорила.

– Я не знаю никого, кто был бы более естественным и безыскусным, чем она, просто какая-то первобытная простота! Она принимает свою судьбу без всякого намека на сожаление или разочарование.

– И что же с ее судьбой? – осведомился лорд Уолдерхерст, по-прежнему разглядывая Эмили сквозь монокль и не удосужившись даже повернуться к миссис Ральф, задавая свой вопрос.

– Обычная судьба женщины из хорошей семьи, но без гроша за душой, вынужденной самой зарабатывать себе на пропитание. Она по первому же зову откликается на все предложения работы. Это один из тех новых способов, которыми женщины могут заработать себе на жизнь.

– Хорошая кожа, – несколько невпопад отозвался лорд Уолдерхерст. – Хорошие волосы – и густые.

– В ее жилах течет благородная кровь, из самых знатных в Англии, – сказала миссис Ральф, – а мою новую кухарку нашла мне именно она.

– Надеюсь, кухарка оказалась хорошей.

– Весьма. Эмили Фокс-Ситон обладает удивительной способностью отыскивать приличных людей. Полагаю, это потому, что она сама такая приличная особа, – усмехнулась миссис Ральф.

– Выглядит вполне прилично, – согласился лорд Уолдерхерст.

А урок вязания шел своим чередом.

– Странно, что вам удалось повидать сэра Брюса Нормана, – сказала Агата Слейд. – Наверное, это было как раз перед тем, как его снова направили в Индию.

– О да! Он отплывал на следующий день. Я это знаю потому, что буквально в двух шагах от вашего портрета встретила своих знакомых, и они мне о нем рассказали. До этого я не знала, что он настолько богат. Оказалось, что у него в Ланкашире есть угольные копи. О, как бы мне хотелось самой иметь копи! – И глаза Эмили засверкали от восторга. – Наверняка это так приятно – быть богатым!

– Я никогда не была богатой, – с печальной улыбкой сказала леди Агата, – зато знаю, как неприятно быть бедной.

– Я тоже никогда не была богатой, – ответила Эмили, – и никогда не буду. Вы в несколько ином положении, – смутившись, добавила она.

Леди Агата снова слегка покраснела.

Эмили Фокс-Ситон сочла уместным пошутить:

– Потому что глаза у вас, как незабудки!

Леди Агата подняла свои незабудковые глаза, в которых светилась печаль.

– О, порой мне кажется, что совсем не важно, есть у тебя хоть какие-то глаза или нет, – произнесла она с горечью.

Эмили Фокс-Ситон с удовольствием призналась себе, что после этого разговора красавица прониклась к ней симпатией. Их сближение, начавшееся над шарфом для неизвестного рыбака, шарфом, который они вынесли на лужайку и затем оставили среди разбросанных по креслам и диванчикам ковриков и подушек, продолжилось. Кстати, шарф потом вместе с ковриками и подушками занесли в дом слуги – они уже привыкли находить на лужайке связанные из белой и серой шерсти шарфы и шапки, поскольку леди Мария привлекла к работе всех гостей Моллоуи. Вечером леди Агата зашла в комнату Эмили, чтобы та объяснила, что делать со спустившейся петлей, и это посещение стало чем-то вроде отправной точки, после которой они начали обмениваться визитами.

Тем временем положение леди Агаты все осложнялось. Ситуация дома складывалась наихудшим образом, и замок Клер маячил на ее горизонте, словно грозный призрак. Некоторые торговцы, которым, по мнению леди Клерауэй, следовало бы проявлять терпение и ждать, пока ситуация изменится и им, наконец, заплатят, начали проявлять бесстыдное нетерпение. А ввиду того, что в следующем сезоне предстоит вывозить в свет Аликс, это доставляло значительные неудобства. Ни одну девушку нельзя представить и соответствующим образом выпустить в большой мир, где у нее может появиться хоть какой-нибудь приличный шанс, без определенных на то затрат. Для семейства Клерауэй затраты означали кредиты, и в тех местах, где леди

Клерауэй писала об ужасном поведении торговцев, чернила расплывались от пролитых ею слез. Порою, писала она в отчаянии, кажется, что семье экономии ради надо укрыться в замке Клер, как в окопе, но как тогда быть с Аликс и ее сезоном? А ведь есть еще и Миллисент, и Хильда, и Ева...

Не раз незабудковые глаза леди Агаты затуманивались от слез. Доверие, возникшее между двумя девушками, становилось все прочнее по причинам самым простым. Эмили Фокс-Ситон не могла припомнить, в какой именно момент она поняла, что светская красавица пребывает в тоске и беспокойстве, леди Агата также не могла вспомнить, когда начала все больше откровенничать с Эмили. Агату утешали разговоры с этим рослым, простым, безыскусным созданием – пообщавшись с Эмили, она уже не чувствовала себя такой подавленной. Эмили Фокс-Ситон часто и по-доброму восхищалась красотой Агаты, что возрождало ее веру в себя. По правде говоря, Агата сама всегда считала себя красивой и верила, что привлекательность и составляет ее основной капитал. Эмили восхищалась этой красотой и даже не думала усомниться в ее всемогуществе. Она жила в мире, в котором брак не имел никакого отношения к любви и романтике, в этом же мире жила и Агата. Конечно, хорошо, если девушке нравится мужчина, вознамерившийся на ней жениться, но это не главное – если он прилично себя ведет, если он покладист, если у него имеются средства, то, совершенно естественно он ей в конце концов обязательно понравится, во всяком случае, она будет ему благодарна за удобную или даже роскошную жизнь и за то, что она не останется обузой для родителей. Это было таким облегчением для всех – сознавать, что девушка «устроена», и прежде всего это было огромным облегчением для самой девушки. Даже романы и пьесы больше не походили на волшебные сказки, в которых в первой главе околдованный красотой молодой человек и юная красавица влюблялись друг в друга, а затем, претерпев череду красочных невзгод, добирались до последней главы, в которой женились в полной уверенности, что впереди их ждет только бесконечное блаженство. Ни леди Агата, ни Эмили не воспитывались на подобного рода литературе, обе они росли в атмосфере, где к сказкам относились скептически.

У обеих жизнь складывалась непросто, и обе хорошо представляли, что их ждет впереди. Агата знала, что она должна выйти замуж или увянуть, раствориться в узком мирке скуки и обыденности. Эмили знала, что у нее вообще нет никаких перспектив пристойного брака. Она не имела соответствующего окружения, была слишком бедна и не настолько хороша собою, чтобы привлекать восхищенные взоры. Более-менее прилично содержать себя, время от времени получать поддержку от своих более удачливых друзей, являя себя миру – если

повезет! – не совсем уж нищей – вот и все, на что Эмили могла рассчитывать. Но она была уверена, что леди Агата имеет право на большее. Эмили не задумывалась о причинах такого своего отношения или о том, почему у леди Агаты есть такие права, она просто принимала это как данность. Она самым искренним образом была заинтересована в судьбе леди Агаты и испытывала к ней абсолютно откровенную симпатию. Когда лорду Уолдерхерсту случалось беседовать с леди Агатой, Эмили беспокойно на него поглядывала. Это была поистине материнская тревога – Эмили пыталась разгадать его намерения. И ведь какая хорошая партия! Из него получится замечательный муж – и не стоит забывать о трех имениях и восхитительных бриллиантах... Леди Мария описывала ей некую тиару, и Эмили частенько представляла себе, как сверкает она на изысканно низком лбу леди Агаты. Тиара куда больше к лицу ей, чем мисс Брук или миссис Ральф, хотя и они носили бы ее с гордостью. Она не могла не понимать, что в состязании за тиару придется в равной степени считаться и с блистательной миссис Ральф, и с задорно-хорошенькой мисс Брук, но леди Агата все-таки, казалось, в большей степени достойна этого приза. Эмили заботилась о том, чтобы ее подопечная всегда выглядела наилучшим образом, и когда письма из дома навевали на леди Агату уныние, когда она бледнела из-за плохих вестей, Эмили старалась ее приободрить.

– Полагаю, нам не помешала бы короткая прогулка, – говорила она. – А потом вы могли бы вздремнуть. Выглядите немного усталой.

– О, как любезно! – как-то раз сказала Агата. – Вы так беспокоитесь из-за моего цвета лица, из-за того, как я выгляжу!

– На днях лорд Уолдерхерст сказал мне, что вы единственная из известных ему женщин, которая всегда прекрасно выглядит! – таков был ангельски тактичный ответ Эмили.

– Правда?! – воскликнула, слегка покраснев, леди Агата. – Сэр Брюс Норман на самом деле мне тоже так однажды сказал. Я ответила, что это самое приятное из всего, что может быть сказано женщине. Тем более, – добавила она со вздохом, – что утверждение далеко не всегда соответствует истине.

– Лорд Уолдерхерст считает, что все именно так, – возразила Эмили. – Вы же знаете, он не из тех, кто ведет праздные разговоры. Он человек серьезный!

Ее собственное восхищение лордом Уолдерхерстом граничило с благоговением. У него действительно были безупречные манеры, он очень порядочно вел себя со своими арендаторами, он патронировал несколько уважаемых благотворительных обществ. Для нескритичного ума Эмили Фокс-Ситон этого было достаточно, чтобы лорд Уолдерхерст и внушал ей почтение, и казался привлекательным внешне. Она знала, хоть и не очень близко, многих благородных персон, которые не могли идти с ним ни в какое сравнение. По взглядам своим Эмили принадлежала к ранневикторианской эпохе и уважала то, что достойно уважения.

– Я плакала, – призналась леди Агата.

– Этого-то я и опасалась, леди Агата.

– На Керзон-стрит все совсем безнадежно. Утром я получила письмо от Миллисент. Она следующая за Аликс и пишет... о, много чего пишет! Когда девушки видят, что что-то от них ускользает, они становятся очень раздражительными. Миллисент семнадцать, она очень миленькая. У нее волосы словно красное золото, а ресницы в два раза длиннее моих, – леди Агата снова вздохнула, и ее губы, так похожие на розовые лепестки, предательски задрожали. – Они все расстроились из-за того, что сэр Брюс Норман уехал в Индию, – добавила она.

– Но он же вернется! – воскликнула Эмили и необдуманно добавила: – Правда, это может быть слишком поздно. А он видел Аликс? – внезапно спросила она.

На этот раз Агата уже не порозовела, а покраснела: у нее была тонкая кожа, и каждое движение души было слишком хорошо заметно.

– Да, он ее видел, но она была в учебной комнате... И я не думаю...

Она резко замолчала и застыла, устремив взор в открытое в парк окно. Выглядела она совсем несчастной.

Эпизод с сэром Брюсом Норманом был коротким и каким-то невнятным. Начиналось все прекрасно. Сэр Брюс встретил красавицу на балу, они танцевали, и даже не раз. В сэре Брюсе привлекали не только его длинная знатная родословная и угольные шахты – он приятно выглядел, у него были

смеющиеся карие глаза и острый ум. Танцевал он очаровательно и отпускал шуточные комплименты. Короче, представлялся отличной партией. Агате он понравился. Эмили подозревала, что даже очень понравился. Матушка Агаты тоже ему симпатизировала и полагала, что и он не остался равнодушен. Они несколько раз общались в свете, а потом встретились на лужайке Гудвуда[5 - Крикетный клуб в парке Гудвуд – один из старейших крикетных клубов в мире.], и он объявил, что отправляется в Индию. Он отбыл, а Эмили предположила, что каким-то образом в этом обвиняют леди Агату. Родители не были до такой степени вульгарны, чтобы открыто ей об этом заявить, но она это чувствовала. Младшие же сестры единодушно дали ей это понять. От нее не скрыли, что если бы Аликс, или золотоволосая Миллисент, или даже Ева, которая была похожа на цыганку, поучаствовали бы в таком сезоне, да еще в платьях от Дусея, да в сочетании с их замечательным цветом лица, изящными подбородками и носиками, то ни один их знакомый по доброй воле ни за что не удрал бы от них на пароходе компании Р&О в Бомбей.

В утреннем письме темперамент Миллисент взял верх над правилами хорошего тона, поэтому милая Агата и расплакалась. Поэтому же пересказанные Эмили слова лорда Уолдерхерста показались ей столь утешительными. Да, он уже не молод, но он очень приятный человек, и некоторые экзальтированные особы от него без ума. Очень, очень приятные слова.

Итак, они прогулялись, и щеки леди Агаты вновь обрели цвет. За ужином она была просто очаровательна, и вечером у нее образовался целый круг придворных. На ней был розовый наряд, голову ее украшал венок из цветов шиповника, она была вся такая тонкая и воздушная, что походила на нимфу Боттичелли. Эмили заметила, что лорд Уолдерхерст обратил на нее особое внимание. Он сидел в удобном угловом кресле и посматривал на леди Агату через монокль.

У леди Марии всегда находилась для Эмили какая-нибудь работа. Эмили обладала отменным вкусом в составлении букетов, и с самого начала ее визита так сложилось, что аранжировка цветов стала ее обязанностью.

На следующее утро она рано отправилась в сад, чтобы собрать еще не отряхнувшие росу розы. Она как раз тянулась за восхитительной «Миссис Шарман Кроуфорд», как произошло нечто, заставившее ее стыдливо опустить подоткнутую было юбку. А именно: к ней направлялся маркиз Уолдерхерст. Инстинкт подсказал ей, что он хочет поговорить о леди Агате Слейд.

Пожелав ей доброго утра, он заметил:

- А вы встали раньше леди Агаты.

- Она чаще бывает за городом, чем я, - ответила Эмили. - Когда мне выпадает счастье гостить за городом, мне хочется проводить на открытом воздухе все время. По утрам здесь так славно! Совсем не так, как у меня на Мортимер-стрит.

- Вы живете на Мортимер-стрит?

- Да.

- И вам там нравится?

- Там очень удобно. Мне повезло, у меня прекрасная хозяйка. Она и ее дочь очень ко мне добры.

Утро действительно было божественное. На цветах еще лежала роса, но солнышко уже начинало припекать, и в воздухе стоял густой аромат. Маркиз сквозь монокль посмотрел на синее небо, на деревья, в которых музыкально курлыкали горлицы.

- Да, - согласился он, - пожалуй, это явно отличается от Мортимер-стрит. Вам нравится сельская жизнь?

- О, да, - выдохнула Эмили, - о, да!

Она не была мастерицей длинных речей и не смогла бы сказать что-то кроме «О, да!» о своей любви к сельским пейзажам, к этим звукам и запахам. Но когда она подняла на него свои большие добрые карие глаза, в них была такая сила чувства, что слова и не требовались - такое с ней случалось часто, когда взгляд говорил о ее переживаниях выразительнее слов.

Лорд Уолдерхерст смотрел на нее сквозь монокль с тем же видом, с каким он обычно на нее смотрел - ровно, без раздражения, но и без всякого интереса.

– А леди Агате нравится загородная жизнь? – поинтересовался он.

– Она любит все прекрасное, – ответила Эмили. – Я считаю, что у нее такой же чудесный характер, как и лицо.

– Неужели?

Эмили отошла на пару шагов к розам, карабкавшимся по серо-красной стене, и принялась срезать бутоны и складывать их в корзину.

– Она во всем очаровательна, – сказала она. – По характеру, в манерах – во всем. Она не способна никого разочаровать или совершить ошибку.

– Она вам так нравится?

– Она была добра ко мне.

– Вы часто говорите о том, как люди к вам добры.

Эмили замерла в смущении. Она поняла, что вела себя не очень умно, и, будучи по натуре застенчивой, вообразила, что тем, что, словно попугай, повторяла одну и ту же фразу, нагнала на него скуку. Она залилась краской.

– Но все люди добрые, – пролепетала она. – Я... Видите ли, мне нечего им дать, но я все время от них что-то получаю...

– Надо же, как вам повезло, – произнес он, спокойно ее разглядывая.

Она почувствовала себя очень неловко, и когда он оставил ее, чтобы присоединиться к вышедшей на лужайку другой ранней пташке, ощутила одновременно и облегчение, и легкую грусть. По какой-то таинственной причине он нравился Эмили Фокс-Ситон. Возможно, постоянные разговоры о нем подогрели ее воображение. Он ни разу не сказал ей ничего такого уж умного или значительного, но ей казалось, что все им сказанное было и умным, и значительным. Он вообще не отличался разговорчивостью, однако никогда не выглядел глупцом. В свое время он произнес несколько речей в Палате лордов, нельзя сказать, чтобы блестящих, но разумных и исполненных достоинства. Он

также написал два памфлета. Эмили испытывала глубочайшее уважение к чужому уму, и часто – стоит признать – принимала за глубокий ум то, что таковым отнюдь не являлось. Она была не привередлива.

Во время своих летних выездов в Моллоуи леди Мария устраивала деревенский праздник. Она давала такие праздники уже сорок лет, и это оживляло летнюю страду. Несколько сотен деревенских ребятишек объедались булочками и пирогами, запивая их чаем из глиняных кружек, после чего сражались за призы в разных соревнованиях и вообще развлекались, как могли. В этом леди Марии помогали добровольцы из числа ее гостей.

В помощники вызывались далеко не все, хотя все находили праздники милыми. Никто не возражал против резвящихся детей, а некоторые даже заражались их беззаботным весельем. И Эмили Фокс-Ситон оказалась, по мнению леди Марии, просто бесценной помощницей в этом начинании. На нее было так легко переложить всю нудную организационную работу, не чувствуя при этом никаких угрызений. А дел была масса, хотя Эмили Фокс-Ситон и не воспринимала их как что-то тяжелое и сложное. Ей бы и в голову не могло прийти, что она делает для леди Марии куда больше, чем подрядилась (если можно так выразиться), как никогда она не думала о том, что ее светлость, дама интересная и достойная всяческого восхищения, была по сути совершенной эгоисткой и никогда ни с кем не считалась. И пока Эмили Фокс-Ситон не выказывала явных признаков усталости, леди Мария и не помышляла о том, что она может уставать, как все люди из плоти и крови, и что ее ноги, пусть молодые и сильные, тоже могут болеть от бесконечной беготни туда-сюда. Леди Мария была счастлива, что приготовления к празднику идут так гладко и что Эмили в любой момент у нее под рукой. Эмили составляла списки и вела подсчеты, разрабатывала планы и делала покупки. Она вела переговоры с деревенскими матронами, которые пекли пироги и булочки и кипятили огромные медные чайники, она выбирала женщин, которые станут помогать нарезать пироги, мазать маслом хлеб и подавать все это, заказывала навесы, палатки, столы – ей приходилось держать в голове массу вещей.

– Действительно, Эмили, – сказала леди Мария, – не представляю, как я обходилась без вас все эти сорок лет. Впредь вы всегда будете заниматься такими праздниками в Моллоуи.

Веселая и общительная по природе, Эмили радовалась радостям других. В такой атмосфере она просто расцветала. Во время бесконечных походов в деревню она

с удовольствием наблюдала, как все яростнее на детских личиках проступало волнение, каким счастливым предвкушением светились их глазенки, и улыбалась им в ответ. В день праздника она в очередной раз зашла в дом, в котором пеклись пироги, и дети сопровождали ее до самого крыльца, они толпились вокруг, хихикая и подталкивая друг друга. Когда она вышла, они осмелели настолько, что обступили ее – отчасти из любопытства, отчасти от нетерпения: ну когда же, наконец, последует обещанное угощение? Они улыбались, щеки у них покраснелись, и Эмили улыбалась им в ответ, испытывая такую же, как и они, детскую радость. Она получала от их предвкушения такое удовольствие, что и не думала о том, сколько ей пришлось трудиться, готовя праздник. Она придумала множество новых развлечений, и это именно она, с помощью садовников, превратила обычные палатки в крытые пышной зеленью шалаши, украсила цветами столы и ворота в парк.

– А вы все бегаєте! – сказал ей лорд Уолдерхерст, когда она в очередной раз спешила мимо собравшихся на лужайке гостей леди Марии. – Вы хоть представляете, сколько вы уже сегодня времени на ногах?

– Мне это нравится, – ответила она на бегу, краем глаза заметив, что он сидит чуть ближе к леди Агате, чем раньше, и что Агата в своей воздушной белой шляпе выглядит совсем как ангел – так ярко сияли ее глаза, так светилось лицо. Она выглядела по-настоящему счастливой.

«Наверное, он говорит ей всякое такое, – подумала Эмили. – Как счастлива она будет! У него такие хорошие глаза. Он сделает счастливой любую женщину!» С ее губ сорвался легкий вздох. Она очень устала, хотя еще и не осознавала этого. Если бы она так не устала, ей бы ни на мгновение не пришла в голову мысль, что она, увы, не из тех женщин, которым говорят «всякое такое» или с которыми может случиться «всякое такое».

– Эмили Фокс-Ситон, – заметила леди Мария, обмахиваясь веером, поскольку было ужасно жарко, – дарит мне восхитительное ощущение. Она заставляет меня чувствовать себя великодушной. Да, мне следует отдать ей самые чудесные вещи из гардеробов моих родственниц.

– Вы отдаете ей вещи? – спросил Уолдерхерст.

– Ну, у меня самой не так уж много того, что я могла бы ей отдать. Но ей все пригодится. Наряды у нее ужасно трогательные: настолько ловко придуманы и сделаны, что производят, при всей их дешевизне, очень приличное впечатление.

Лорд Уолдерхерст вставил монокль и проводил взглядом прямую спину удаляющейся мисс Фокс-Ситон.

– Я считаю, – нежным голосом произнесла леди Агата, – что она по-настоящему красива.

– Так и есть, – признал Уолдерхерст, – очень привлекательная женщина.

Вечером леди Агата пересказала его слова Эмили, и та была настолько поражена, что даже покраснела.

– Оказалось, лорд Уолдерхерст знает сэра Брюса Нормана, – сказала Агата. – Разве это не удивительно? Он сегодня говорил со мной о нем. Сказал, что он очень умный.

– Вы сегодня хорошо побеседовали, не так ли? – спросила Эмили. – Вы оба выглядели такими... такими... Как будто получаете большое удовольствие от беседы.

– Вам показалось, что ему нравится наш разговор? Он был очень мил. Даже не знала, что он может быть таким приятным.

– А я никогда не видела его таким довольным, – ответила Эмили Фокс-Ситон. – Хотя, по-моему, ему всегда нравится беседовать с вами, леди Агата. А эта легкая белая шляпа, – добавила она мечтательно, – она вам очень идет.

– Ужасно дорогая, – со вздохом произнесла прелестная Агата. – Эти шляпы такие непрочные! Мама сказала, что покупать такую – настоящее преступление.

– Как замечательно было бы, – ободряюще воскликнула Эмили, – если бы... Если бы в таких вещах вообще не было нужды!

– О, это был бы настоящий рай! Люди не понимают, они думают, девушки такие легкомысленные, что им все так просто дается, что все это несерьезно. Но когда ты знаешь, что у тебя должны быть такие вещи, что они словно хлеб... Это ужасно!

– Но вещи действительно много значат, – Эмили призвала все свои силы на обсуждение данного предмета и с искренней озабоченностью добавила: – Вы надеваете новое платье и представляете собою совсем иную картину. А у вас есть что-то новое на сегодняшний вечер и на завтрашний?

– У меня есть два вечерних платья, которые я здесь еще не надевала. Я... Я их припасла на особый случай... Одно очень легкое черное, затканное серебром и с серебряной бабочкой на плече, вторую бабочку закалывают в волосы.

– О, наденьте его сегодня! – с энтузиазмом воскликнула Эмили. – Когда вы спуститесь в нем к ужину, вы будете выглядеть так... Так по-другому! Я всегда думала, что когда блондинка впервые появляется в черном, это поразительно... Может, поразительно – и не то слово, однако... Да, наденьте его непременно!

И леди Агата надела. Эмили Фокс-Ситон зашла к ней перед ужином, чтобы помочь нанести последние штрихи. Она предложила заколоть чудесные белокурые волосы красавицы повыше и узел сделать попышнее, чтобы еще выразительнее трепетали в волосах леди Агаты легкие крылышки серебряной бабочки. И она сама приколола такую же бабочку к плечу ее черного платья.

– Восхитительно! – воскликнула она, отступив на шаг, чтобы полюбоваться результатом. – Позвольте мне спуститься на пару минут раньше вас, чтобы посмотреть, как вы входите.

В момент появления своей подопечной она сидела в кресле неподалеку от лорда Уолдехерста и заметила, что он действительно был слегка поражен появлением леди Агаты. Монокль выпал у него из глаза, он подцепил его за шнурок и вставил обратно.

– Психея! – негромко воскликнул он, видимо, желая одним словом выразить свое мнение. – Психея!

Сказал он это скорее себе, чем Эмили или кому-то еще. Восклицание было удивленно-одобряющим, впрочем, особым энтузиазмом не отмеченным. После чего он весь вечер беседовал исключительно с леди Агатой.

Перед сном Эмили зашла к леди Агате, которая выглядела слегка взволнованной.

– В чем вы собираетесь пойти на завтрашний праздник?

– В белом муслиновом с кружевами, в той моей большой шляпе, с белым зонтиком и в белых ботинках, – ответила леди Агата. Было видно, что она нервничает, на ее щеках проступили красные пятна.

– А что у вас на завтрашний вечер?

– У меня есть бледно-голубое... Вы не присядете, дорогая мисс Фокс-Ситон?

– Нам обеим пора спать. Вы не должны выглядеть усталой.

Однако, заметив мольбу в глазах девушки, Эмили все-таки уступила и села.

С вечерней почтой пришло письмо с Керзон-стрит, еще более грустное, чем прежние. Леди Клерауэй вся извелась от материнского волнения, что было вполне понятно и даже довольно трогательно. Портниха подала на них в суд. Эта история, конечно же, попадет в газеты.

«Если не произойдет чего-нибудь, что сможет это как-то оттянуть, нам придется всем срочно возвращаться в замок Клер. И тогда все будет кончено. После этого никого из девочек уже нельзя будет вывозить. Они такого не любят», – писала леди Клерауэй.

Под «они» подразумевались, несомненно, те, кто задавали тон в лондонском свете.

– Вернуться в замок Клер, – дрожащим голосом произнесла леди Агата, – это все равно, что быть приговоренной к голодной смерти. Аликс, Хильда, Миллисент, Ева и я будем медленно умирать от голода, лишены всего того, что делает

жизнь девушки, рожденной в определенном сословии, хоть сколько-нибудь сносной. И даже если в ближайшие три или четыре года случится чудо, все равно для четверых из нас это будет слишком поздно – поздно даже для Евы. Тех, кто уезжает из Лондона, сразу забывают. Люди не могут не забывать. Да и как не забывать, если каждый год в свете появляются толпы новых девушек?

Эмили поспешила ее разуверить. Она была искренне убеждена, что им не придется возвращаться в замок Клер. Со всей присущей ей деликатностью она постаралась подарить леди Агате надежду, рассказав, какой эффект произвели серебряные бабочки.

– Полагаю, именно из-за бабочек лорд Уолдерхерст, увидев вас, сказал: «Психея! Психея!», – добавила она как бы между прочим.

– Правда?! – воскликнула леди Агата и тут же устыдилась своего восклицания.

– Да, – ответила Эмили, тактично напустив на себя самый равнодушный вид. – В черном вы выглядите такой неземной, такой воздушной, кажется, что еще немного – и вы улетите. Ну а сейчас вам пора спать.

Леди Агата проводила Эмили до дверей, пожелала ей спокойной ночи и тоненьким голоском добавила:

– О, мисс Фокс-Ситон! Вы так добры!

В глазах леди Агаты стояли слезы.

Глава 4

Когда на следующее утро мисс Фокс-Ситон вышла в парк, здесь уже вовсю кипела работа. Расставлялись столы, к навесу, где должны были готовить чай, подносились корзины с хлебом, пирогами и сладостями. Настроение у рабочих было хорошее, они приветствовали Эмили, приподнимая шляпы, а женщины из obsługi ласково ей улыбались. Все они на собственном опыте убедились в ее дружелюбии и в том, что она с честью выполняла обязанности

представительницы ее светлости.

– Она настоящая трудяга, эта мисс Фокс-Ситон, – говорили они. – Мы никогда не видели, чтобы леди вела себя так, как она. Леди, даже самые добросердечные, обычно стоят в сторонке и только указывают, как и что нужно делать, при этом сами плохо представляют, как и что должно быть сделано. А мисс Фокс-Ситон не такая: она сама резала хлеб и мазала его маслом, а вчера собственноручно наделала пакетиков со сладостями для детей. Пакетики она скручивала из цветной бумаги, перевязывала цветными лентами, потому что, говорит, детям больше нравятся цветные пакетики, чем просто белые – и так оно и есть. Дети и правда любят всякое красное да синее...

Эмили все утро нарезала хлеб и пироги, расставляла стулья и раскладывала по столам игрушки. Погода стояла ясная, хотя было немного жарковато. Эмили настолько заработалась, что забыла позавтракать. Гости леди Марии пребывали в приподнятом настроении, да и сама хозяйка радовалась не меньше. На следующий день она запланировала поездку к живописным руинам, а на вечер – званый ужин. В расположенное в пяти милях от Моллоуи имение приехали на лето ее любимые соседи, и они тоже были приглашены. Большинство соседей наводило на нее тоску, и она принимала их маленькими порциями – как невкусное лекарство. Но Локиры были молоды, приятны на вид и умны, и поэтому она всегда радовалась, когда они приезжали к себе в Лок во время ее пребывания в Моллоуи.

– Среди них нет ни старых гримз, ни зануд, – пояснила она. – Все эти сельские жители если не зануды, так старые гримзы, а если не старые гримзы, то зануды, я же боюсь превратиться и в то, и в другое. Полтора месяца ужинов с такой публикой, и я сама начну носить полушерстяные нижние юбки и рассуждать о разложении лондонского общества.

После завтрака она повела всю стаю гостей на лужайку под падубами.

– Пойдемте, вдохновим рабочих, – призвала она. – Понаблюдаем, как трудится Эмили Фокс-Ситон. Поверьте, на это стоит посмотреть!

Станным образом этот день оказался днем мисс Кору Брук. Вдруг как-то незаметно для нее самой она очутилась на лужайке рядом с лордом Уолдерхерстом. Это получилось совершенно случайно.

– Мы с вами еще никогда не беседовали, – сказал он.

– Что ж, – ответила Кора, – зато мы много разговаривали с другими, по крайней мере, я разговаривала.

– Да, я заметил, вы довольно разговорчивы, – заявил маркиз.

– То есть вы хотите сказать, я много болтаю?

Он поглядел на хорошенькую американку сквозь монокль. Возможно, разлитый в воздухе дух праздника подействовал и на него.

– Я всего лишь хочу сказать, что вы мало говорили именно со мной. Вы посвятили все свое время уничтожению молодого Херриота.

Она многозначительно усмехнулась.

– Вы весьма независимая молодая леди, – заметил Уолдерхерст в несколько более легкомысленной манере, чем обычно. – Вы вполне способны сказать что-то такое... уничижительное.

– Но вовсе не обязана, – спокойно произнесла Кора.

– Не обязаны или не станете? – переспросил он. – Маленьким девочкам – или молодым леди – вряд ли стоит употреблять оба эти выражения в разговорах со старшими.

– И то, и другое, – ответила мисс Кора Брук, слегка зардевшись от удовольствия. – Давайте пройдем к палаткам и посмотрим, как там справляется бедная Эмили Фокс-Ситон.

– Бедная Эмили Фокс-Ситон, – бесстрастно повторил за ней маркиз.

Что они и сделали, но надолго там не задержались. Праздник должен был вот-вот начаться, и Эмили Фокс-Ситон была очень занята. К ней то и дело подходили за распоряжениями, ей нужно было массу дел сделать самой, а также за многим присмотреть. Следовало по порядку разложить подарки и призы для детей –

отдельно для мальчиков и отдельно для девочек, отдельно для малышей и отдельно для тех, кто постарше. Никого нельзя было обделить или вручить не тот подарок.

– Это же будет ужасно, – сказала она, когда мисс Кора Брук и лорд Уолдерхерст подошли к ней с расспросами, – если большой мальчик получит деревянную лошадку, а малыш – крикетную битку и шар. А как будет разочарована маленькая девочка, получив корзинку для рукоделия – так же, как большая, получив куклу. Так что все надо держать под контролем. Они ждут этих подарков и призов, а так мучительно видеть, когда ребенок разочарован, не правда ли?

Уолдерхерст вдруг утратил всю свою внушительность.

– А кто занимался этим для леди Марии до вас? – спросил он.

– О, кто-то другой. Но леди Мария говорит, что это было очень утомительно, – лицо ее вдруг озарилось улыбкой. – Она попросила меня в следующие двадцать лет всегда приезжать в Моллоуи к празднику. Она так добра!

– О да, Мария добрая женщина, – сказал он, как показалось Эмили, с восхищением. – Она любит добрые развлечения и весьма добра в первую очередь к самой Марии Бейн.

– Она добра ко мне, – с горячностью воскликнула Эмили. – Вы даже не представляете, как мне все это нравится.

– Этой женщине нравится все, – сказал лорд Уолдерхерст Коре, когда они уже отошли от палатки Эмили. – Что за удивительный характер! Я бы не пожалел никаких денег, чтобы у меня самого был такой же!

– Она живет так скромно, – сказала Кора, – и неудивительно, что все это кажется ей замечательным. Она очень милая. Мы с мамой ею просто восхищаемся. Мы подумываем пригласить ее в Нью-Йорк, дать ей возможность развлечься.

– Ей, конечно, понравится Нью-Йорк.

– А вы там бывали, лорд Уолдерхерст?

– Нет.

– Тогда вы должны побывать, непременно. Сейчас туда приезжает много англичан, и всем нравится.

– Может быть, и поеду, – сказал Уолдерхерст. – Я уже думал об этом. Устаешь от континента, да и в Индии тоже все знакомо. Наверное, стоит посмотреть на Пятую авеню, на Центральный парк, на Скалистые горы.

– Они того стоят, – заявила хорошенькая мисс Кора.

Это определенно был ее день! Перед ленчем лорд Уолдерхерст пригласил ее с матушкой прокатиться в его фаэтоне на высоких колесах. Ему нравилось править самому, и фаэтон с лошадьми прибыл в Моллоуи вместе с ним. Катал он только тех, кто ему нравился, и хотя при этом сохранял невозмутимый вид, присутствовавшие на лужайке обменивались понимающими улыбками. Гости с удивлением поглядывали друг на друга, когда фаэтон, в котором восседали взволнованные и покрасневшие мисс Брук и ее матушка, покотился по сельской дороге.

Леди Агата поспешила к себе в комнату, где засела за длинное письмо на Керзон-стрит. Миссис Ральф принялась разъяснять молодому Херриоту и группе гостей ценность пьес с социальной проблематикой.

Сверкающий полдень принес в Моллоуи новую партию гостей. Леди всегда приглашала на свой праздник соседей, дабы веселье было еще более масштабным. В два пополудни мимо дома в отведенную для праздника часть парка прошествовала процессия из деревенских детишек, их друзей и родителей, сопровождаемая деревенским оркестром. Леди Мария и ее гости стояли на широких ступеньках и приветствовали веселую толпу кивками и улыбками. Все пребывали в чудесном настроении.

Когда селяне собрались в парке, гости из господского дома прошли к ним через сад. Приглашенный из Лондона фокусник давал представление под большим раскидистым деревом, и дети визгом и смехом приветствовали кроликов, которых он доставал из карманов, и сыпавшиеся из шляпы апельсины. Гости леди Марии веселились вместе с детьми.

После представления наступила пора грандиозного чаепития. Никакой праздник нельзя считать состоявшимся, если дети до ушей не напьются чаю и не наедятся булочками и пирогами, особенно пирогом со сливами.

Леди Агата и миссис Ральф раздавали пироги сидевшим на траве детям. Мисс Брук, расположившаяся под деревом и выглядевшая весьма соблазнительно в шляпе, украшенной маками, и с алым, как маков цвет, зонтиком, сказала лорду Уолдерхерсту:

- Мне тоже следует помочь раздавать пироги.

- Как следовало бы этим заняться и моей кухне Марии, но она этого делать не станет, как не стану делать и я, - заметил он. - Лучше расскажите мне о надземной железной дороге и о Пять тысяч пятьсот какой-то там улице, - со скучающим видом произнес он.

Мисс Кора нашла эту его манеру впечатляющей.

Эмили Фокс-Ситон раздавала угощение и регулировала поставку припасов с присущим ей тактом и хорошим настроением. Когда пришла очередь чая для старшего поколения, она переходила от стола к столу и уделяла внимание каждому. У нее так и не нашлось времени самой угоститься чаем в компании леди Марии и ее гостей на лужайке возле дома - так увлечена она была своей ролью гостеприимной хозяйки праздника. Ей удалось съесть бутерброд и выпить чаю вместе с несколькими пожилыми женщинами, с которыми она подружилась во время подготовки. Она получала истинное наслаждение, хотя ей и приходилось несколько раз присаживаться - так болели усталые ноги. Вокруг нее все время вились толпы детей, она знала, где хранятся все игрушки, какие призы предназначены для каких состязаний: она единолично представляла собою закон и порядок, а также комиссию по награждению. Улыбающиеся женщины из деревни надели свои лучшие платья, мужчины участвовали в соревнованиях и беззлобно подначивали друг друга, и эта молодая леди успевала повсюду. Казалось, она олицетворяет собою сам дух праздника. Одета она была гораздо скромнее других гостей леди Марии - на ней было голубое льняное платье с белыми полосами и матросская шапочка с бантом, однако для сельских жителей она была представительницей мира ее светлости и Лондона, но нравилась она им куда больше других знатных дам. Праздник явно удался, и благодарить за это следовало эту милую молодую леди. В Моллоуи еще никогда не было такого веселого и дружного праздника.

Приближался вечер. Дети так набегались и наигрались, что буквально валились с ног. Старики прохаживались или сидели группками и слушали деревенских музыкантов. Гости леди Марии, получив свою порцию сельских увеселений, вернулись в сад и в отличном настроении отправились поболтать и понаблюдать за игрой на теннисном корте.

Впечатления Эмили Фокс-Ситон несколько не утратили своей яркости, чего нельзя было сказать о ее щеках. Ноги у нее ужасно болели, ее по-прежнему улыбающееся лицо было бледным. Она стояла под березой, наблюдая за последними событиями. Леди Мария и ее гости снова вышли к сельским жителям. На прощание был спет национальный гимн и прозвучало троекратное «ура!» в адрес ее светлости. Благодарственные выкрики были такими искренними и сердечными, что на сияющие карие глаза Эмили навернулись слезы: растрогать ее было легко.

Лорд Уолдерхерст стоял подле леди Марии и тоже выглядел довольным. Эмили видела, как он что-то сказал леди Марии и как та улыбнулась в ответ. Он вышел вперед. Выглядел он, как всегда, спокойным, монокль, как всегда, покоился у него в глазу.

– Мальчики и девочки, – произнес он чистым, звучным голосом, – я хочу, чтобы вы троекратным «ура!» громко-прегромко поблагодарили ту леди, которая сделала все возможное, чтобы у вас был прекрасный праздник. Ее светлость сказала, что никогда раньше такого чудесного праздника здесь не бывало. Троекратное «ура!» в честь мисс Эмили Фокс-Ситон!

У Эмили перехватило дыхание. Она вдруг почувствовала себя чуть ли не особой королевских кровей, и не знала, что делать.

И все, и молодые, и старые, и мужчины, и женщины разразились троекратным «ура!» в ее честь. В воздух полетели шляпы и кепи, все в восторге смотрели на нее, а она покраснела и поклонилась.

– О, леди Мария! О, лорд Уолдерхерст! – сказала она, когда к ней вернулся дар речи. – Вы так добры ко мне!

Выпив свой утренний чай, Эмили Фокс-Ситон снова откинулась на подушки и устремила взор на зеленые деревья за окном. Она блаженствовала. Да, она очень устала, но была счастлива. Как все чудесно прошло! Какой довольной была леди Мария, и как добр был лорд Уолдерхерст, предложив селянам ее поприветствовать! О таком признании она и мечтать не могла. Ей никогда не оказывали такого внимания. Она улыбнулась своей детской улыбкой и покраснела, вспоминая приветственные выкрики. Она считала, что, как правило, люди к ней очень расположены. И всегда относились к ней хорошо, думала она – ей и в голову не могло прийти, что, не будь она такой для них полезной, они могли бы быть менее дружелюбными. Она ни на секунду не смогла бы усомниться в своем мнении о леди Марии как о самом восхитительном и щедром человеке. И на секунду ей не могло прийти в голову, что ее светлость получала от нее намного больше, чем дарила ей. Надо отдать справедливость ее светлости: ей это тоже в голову не приходило, она считала, что Эмили нравится, что ею пользуются.

Однако, встав с постели, она поняла, что устала гораздо сильнее, чем когда бы то ни было, а такая усталость у женщины, привыкшей бегать с поручениями по всему Лондону, о чем-нибудь да говорит. Она заметила, что ноги у нее по-прежнему отекающие, и, усмехнувшись, подумала, что придется надеть самые растоптанные туфли. «Сегодня мне надо бы как можно больше сидеть», – решила она, а потом вспомнила, что на утро назначена экскурсия к руинам, а на вечер – званый ужин, следовательно, леди Мария ждет, что она поможет ей в хлопотах.

Леди Мария действительно с радостью попросила ее о помощи. Поездка к руинам должна была состояться до ленча, потому что некоторые из гостей считали, что дневная поездка утомит их, и они не смогут в должной мере насладиться ужином. Леди Мария к руинам ехать не собиралась, однако, как оказалось, экипажи все равно были заполнены, и места для Эмили Фокс-Ситон не нашлось. На самом деле Эмили была только рада остаться дома, и они с леди Марией распрощались с экскурсантами.

– У меня нет ни малейшего желания растрясти свои старые кости в день, когда я даю званый ужин, – заявила ее светлость. – Пожалуйста, позвоните в звонок, Эмили. Хочу узнать, что там с рыбой. Рыба – одна из проблем сельской жизни.

Торговцы рыбой – настоящие дьяволы, они способны довести до безумия всякого, кто живет больше чем в миле от них.

Моллоуи-корт находился на таком расстоянии от соседнего городка, чтобы этот городок не нарушал окружающей имение сельской пасторали, но вот по отношению к рыбе это расстояние было недружественным. А какой ужин без рыбы? Городок был маленьким и небогатым ресурсами, единственный торговец рыбой отличался неблагонадежностью и вообще был слабоват на голову.

Явившийся на звонок слуга сообщил ее светлости, что кухарка, как всегда, беспокоится по поводу рыбы. Торговец усомнился в том, что сможет удовлетворить все кухаркины потребности, к тому же его повозка вряд ли появится раньше половины первого.

– Господь всемогущий! – воскликнула ее светлость, когда слуга удалился. – И что мы будем делать без рыбы?! Старый генерал Барнс – самый привередливый гурман в Англии, он публично клеймит тех, чьи ужины ему не по вкусу. Мы все его немножко побаиваемся, а я должна признать, что по части ужинов несколько тщеславна. Это последняя из привлекательных черт, остающихся на долю немолодой женщины – умение давать хорошие ужины. Я буду просто в ярости, если случится что-нибудь неподобающее!

Они сидели в утренней гостиной, писали письма и разговаривали, поглядывая на часы – близилось время появления повозки рыбника. Пару раз леди Мария заговаривала о лорде Уолдерхерсте.

– На мой взгляд, он довольно интересный человек, – сказала леди Мария. – Мне он всегда нравился. Нельзя сказать, чтобы он отличался особым блеском, но у него бывают оригинальные идеи. Мне кажется, в разговорах со мной он более свободен, чем с другими, хотя не могу сказать, что он такого уж высокого обо мне мнения. Вчера вечером он, по своему обыкновению, вставил в глаз эту свою стекляшку, и заявил: «Мария, вы самая чудовищно эгоистичная женщина, которую я когда-либо встречал, но вам это идет». При этом я знаю, что он меня любит. Знаете, что я ему ответила? «Это не совсем верно, Джеймс, – сказала я. – Я эгоистична, но не чудовищно. Чудовищно эгоистичные люди раздражительны и всегда пребывают в мерзком настроении, а вот уж в чем, а в раздражительности и вечном дурном настроении меня никто упрекнуть не может. У меня очень ровный темперамент».

На подъездной дорожке послышался стук колес.

– Эмили, это рыбу привезли? – спросила ее светлость.

Эмили выглянула в окно:

– Нет, это повозка мясника.

– Его отношения с нашими дамами доставили мне немало удовольствия, – продолжала леди Мария, с улыбкой разглядывая очередной вязаный шлем для рыбака. – Он прекрасно ведет себя со всеми, но я вряд ли поставила бы на какую-то одну. Однако я должна кое о чем вам сказать, Эмили.

Мисс Фокс-Ситон с интересом ждала продолжения.

– Он собирается положить конец всей этой истории и на ком-то точно жениться. Нутром чувствую.

– Вы правда так думаете?! – воскликнула Эмили. – О, я надеюсь, что это будет... – и она оборвала себя.

– Вы надеетесь, что это будет Агата Слейд, – закончила за нее леди Мария. – Ну, может, и так. Я сама иногда думаю, что это будет скорее всего Агата. И все же уверенности у меня нет. С Уолдерхерстом никто ни в чем уверенным быть не может. Он всегда держит рот на замке. Может, у него припасена какая-то другая дама?

– А почему вы вообще решили?.. – начала Эмили.

– По особой причине. У Уолдерхерстов имеется семейная реликвия – кольцо, которое из поколения в поколение дарится той женщине, на которой кто-то из них женится. Кольцо смешное – потому что рубин величиной с пуговицу от штанов действительно смешон. Он так бросается в глаза! С этим кольцом связана какая-то история – много веков назад и всякое такое, что-то по поводу женщины, для которой его заказал первый Уолдерхерст. Она была дамой чего-то там и отвергла притязания короля, и король так этим впечатлился, что решил, будто она святая, потому и презентовал ей этот рубин. Так вот, по чистой

случайности я узнала, что Уолдехерст посылал слугу в город за кольцом, и два дня назад его привезли.

– Как интересно! – Эмили была заинтригована. – Конечно, это что-то должно значить.

– А может, это просто шутка... Снова кто-то едет. Рыбник, наконец-то?

Эмили снова выглянула в окно.

– Да, если его зовут Баггл.

– Его зовут Баггл, и мы спасены, – заявила леди Мария.

Но спустя пять минут на пороге утренней гостиной появилась кухарка собственной персоной. Она была женщиной в теле, и потому задыхалась от быстрой ходьбы и чистым платочком вытирала со лба пот.

При этом она была бледна, насколько может быть бледна особа ее комплекции.

– Что случилось на этот раз? – осведомилась леди Мария.

– Этот Баггл, ваша светлость! Он говорит, что сильно сожалеет, но если вечером ему привезли несвежую рыбу, то наутро она свежее не станет! Он привез ее, чтобы я могла сама убедиться, и могу вам сказать, что использовать ее нельзя. Я так расстроилась, ваша светлость, что посчитала нужным прийти и самолично вам объяснить.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Земляничные листья – эмблема герцогского титула. Здесь и далее прим. пер.

2

Жанна Пакен, Жак Дусей, Виро – модные французские дизайнеры начала XX века.

3

В 1660 году сапожник сделал для короля Людовика XV роскошные туфли с вышивкой, изображающей батальные сцены, с десятисантиметровыми каблуками.

4

«Дебретт» и «Берк» – британские светские ежегодники, «Дебретт» издается с 1769 года, «Берк» – с 1829-го.

5

Крикетный клуб в парке Гудвуд – один из старейших крикетных клубов в мире.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bernett_frensis-eliza-hodzhson/kak-stat-ledi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)